



Брэддон М

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ
КАПИТАНА АРТУРА**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Мэри Элизабет Брэддон

Преступление капитана Артура

«Public Domain»

1962

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Брэддон М.

Преступление капитана Артура / М. Брэддон — «Public Domain»,
1962 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-501-00073-5

Мэри Элизабет Брэддон (1835–1915) – одна из самых известных и любимых писательниц викторианской Англии, оставившая после себя богатое литературное наследие: около восьмидесяти романов, пяти пьес, многочисленные поэмы и рассказы. Писательский талант она унаследовала от родителей: оба работали в журнале «Спортинг мэгэзин». В 1850-е годы из-за финансовых проблем Мэри стала профессиональной актрисой; вместе с труппой выступала в Лондоне и в провинции. Тогда же Брэддон стала писать собственные пьесы и поэмы; затем принялась под разными псевдонимами сочинять так называемые «романы с продолжением» для лондонского журнала «Хэлфпенни джорнал», издаваемого Джоном Максвеллом, ставшим впоследствии мужем писательницы. В данном томе представлен роман «Преступление капитана Артура». Загадочное исчезновение наследника богатого рода вызвало много шума среди жителей Лисльвуда в графстве Суссекс. Но еще больше волнений и кривотолков породило его неожиданное возвращение в день совершеннолетия нового наследника. Наверняка за этим скрывалась какая-то страшная тайна, разгадку которой пришлось искать в прошлом...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-501-00073-5

© Брэдон М., 1962
© Public Domain, 1962

Содержание

Глава I	6
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	20
Глава V	24
Глава VI	30
Глава VII	33
Глава VIII	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мэри-Элизабет Брэддон

Преступление капитана Артура

Глава I

Через восемь лет

Заходящее осеннее солнце золотило массивные стволы дрека, которые венчали вершину одного из косогорв Суссекского графства.

Издали доносился глухой рокот морских волн, смешивающийся с жалобным стоном сентябрьского ветра. По узкой тропинке, проложенной по вершине косогора, ходила взад и вперед молодая женщина в трауре, не сводя глаз с пылающего небосклона и блестящего красноватым светом моря. Между кустами бегал мальчик лет семи, останавливаясь по временам, чтобы сорвать желтые цветы, которые через пять минут уже топтал ногами. В долине поднимался дым из труб нескольких хижин, оживляя этот суровый ландшафт. А на извилистой дороге, ведущей к горе, виднелся небольшой фаэтон, запряженный парой лошадей и ожидавший прогуливающих на вершине особ. Экипаж стоял тут около часа, груму уже надоело ходить вокруг него и прислушиваться к полету куропаток да к раздававшимся изредка в лесу выстрелам какого-нибудь охотника.

– Когда ты поедешь домой, мама? – спросил ребенок, подбегая к матери.

– Скоро.

– Я так устал...

– Мой Руперт!

С этим восклицанием молодая женщина нежно положила руку на плечо мальчика, но все же не отводила глаз от стороны, где солнце исчезало за морем.

– Дитя мое, доктор Персон говорит, что тебе нужно больше движения; я потому и привела тебя сюда... Побегай еще, мой милый... побегай.

– Я не люблю бегать... Давай, мама, играть в лошадки.

Мать глубоко вздохнула и, стянув шаль покрепче вокруг талии, приготовилась исполнить просьбу ребенка. Она была высокая, изящная и поразительно хорошенькая. Действительно, большие ясные голубые глаза ее были прекрасны, хотя им и недоставало выразительности; маленький тонкий нос, рот, который далеко не свидетельствовал о силе характера, и длинные светло-русые волосы составляли привлекательное целое. Можно сказать, что это лицо скорее шло бы кукле, чем живой женщине. Она еще сильнее стянула шаль, завязала концы ее и, дав их в руки сыну, начала бегать по косогору, между тем как мальчик поощрял ее слабым, визгливым голосом. Он называл это игрой в лошадки.

Она бегала очень медленно, чтобы не утомить ребенка. Вскоре, однако, у нее захватило дыхание; она вдруг остановилась и прижала маленькие, обтянутые перчатками руки к сильно бьющемуся сердцу. Мальчик продолжал дергать концы шали.

Перед ней, на тропинке, очутился мужчина. Последние лучи угасающего солнца освещали его смуглое бледное лицо и отражались в его карих глазах, а громадная тень ложилась от него по холму.

– Капитан Вальдзингам! – воскликнула молодая женщина с легким оттенком ужаса в голосе.

– Леди Лисль, – проговорил новоприбывший, снимая шляпу.

Осенний ветер растрепал волосы капитана и отбросил их на его низкий лоб. Он был красив, но его мрачная красота имела какой-то своеобразный характер: черты его были пра-

вильны, но резки, а карие глаза его казались совершенно черными от оттенявших их густых и темных ресниц. Он был высокого роста, широкоплечий и сильный. В одной руке он держал трость с золотым набалдашником, на которую опирался. Встреча эта, очевидно, не удивила его, и во всей его особе не выразалось ничего, кроме легкого оживления.

После минутного молчания он проговорил:

– Я прочел в одном журнале, что он умер.

Леди Лисль кинула на него полуудивленный, полуиспуганный взгляд и пробормотала:

– Я думала, что вы находитесь в Индии.

– Да, но я же прочел о его смерти в журнале. Я пил пиво в одном из калькуттских клубов, в обществе нескольких товарищей. Один из них подал мне какой-то английский журнал, и я, хотя редко читаю журналы, начал пробежать этот номер глазами. Таким-то образом я прочел, между прочим, известие о смерти сэра Режинальда Лисля, владельца Лисльвуд-Парка в графстве Суссекс, двадцати девяти лет от роду... Ну, на другой день Дольгуз поднял паруса – и я уехал.

– Так вы меня лю...

– Я всегда любил вас... а теперь люблю еще более прежнего.

Он схватил маленькую ручку леди Лисль и прижал ее к губам. Мальчик снова начал дергать шаль матери и спросил громко:

– Кто этот господин, мама, и почему он целует твою руку?... Почему он любит тебя?...

Ведь это не мой бедный папа.

Капитан Вальдзингам взял мальчика за подбородок и, повернув его бледное, болезненное личико к свету, внимательно посмотрел на него:

– Вы похожи на вашу маму и лицом и характером, сэр Руперт Лисль, – произнес он. – Мы будем поэтому хорошими друзьями, и я буду играть с вами в лошадки.

– Тогда я буду любить вас, – ответил ребенок.

– Вы удивились при виде меня, леди Лисль? – обратился капитан к молодой женщине. – А между тем что же может быть естественнее моего прихода?... Я прочел, что сэр Режинальд умер, и отправился на другой же день в Англию. Прибыв в Довер, я узнал по справкам, что вы все еще живете в Лисльвуде, и поехал к вам, не заглянув даже в Лондон. В замке мне сообщили, что вы поехали кататься на ваших пони... Ну, я и пошел прямо сюда.

– Почему же именно сюда?

– Ах, вы не догадываетесь?... Потому что мы расстались на этом косогоре, в сентябре же, восемь лет тому назад... Я думал, что вы иногда посещаете эту местность.

– Не будете ли вы жить с нами в замке?

– Нет, я остановился в гостинице «Золотой лев», но буду приходить ежедневно в парк. Если же я остановлюсь у вас, то вы можете сделаться предметом сплетен.

– Вы правы...

Она так редко задавала себе вопросы и так привыкла жить чужим умом, что ее постоянно нужно было наталкивать даже на самые простые мысли.

– Я видел на дороге ваш экипаж и узнал ливрею дома Лисль, – продолжал Вальдзингам.

– Не подвезете ли вы меня?

– Подвезем... Если хотите быть у нас, то заметьте, что мы обедаем в семь часов. Теперь, должно быть, уже более, но я почти всегда заставляю ждать себя... Идем, Руперт.

Она взяла мальчика за руку, и все трое стали спускаться с горы.

– Вы говорили, что рады видеть меня, – сказал он вдруг, ударяя тростью по деревьям, – но между тем в вас вовсе не заметно радости.

– Вы так испугали меня!.. Вам бы следовало предупредить меня письменно о вашем приезде... Я ведь не особенно сильна.

– Это верно, – перебил капитан со странной, почти презрительной улыбкой. – Вы никогда не имели сил... Ни для борьбы, ни для страданий... Простите меня, леди Лисль; одному небу известно – скрывается ли причина этого недостатка в вашей душе или же в вашем организме... Я даже спрашивал себя несколько раз: есть ли у вас душа?

– Вы жестоки по-прежнему, Артур, – проговорила она.

Большие голубые глаза ее наполнились слезами.

– Скажите вашему сыну, чтобы он шел один к экипажу, а вы пройдете немного со мной.

Леди Лисль исполнила это желание, и мальчик бросился бежать к фаэтону, на козлы которого и поместился рядом с грумом.

– Клерибелль, – начал капитан с увлечением, – знаете ли вы, что в продолжение тех многих лет, проведенных вдали от вас, в Индии, я часто молил Бога послать нам эту встречу? Это была грешная мольба, не так ли?... Она была равносильна просьбе о смерти человека, который никогда не делал мне зла... А все-таки эта мольба услышана... Может быть, к моему несчастью... Это была мольба страстно любящего человека, сумасшедшего, отчаянного, ослепленного... Так молятся разве одни язычники. Сколько раз говорил я самому себе: «Если я даже встречу ее на улице нищей или лежащей на больничной койке, покинутой и презираемой всем светом, то я и тогда женюсь на ней... Женюсь, где бы и как бы ни нашел ее – и это так же верно, как то, что свет исходит с неба...» В течение восьми лет повторял я эту молитву и этот обет; Бог внял моей мольбе – и я снова здесь.

– Сэр Режинальд был для меня добрым мужем, – ответила леди Лисль на это страстное признание. – И я старалась исполнять мой долг относительно его.

– Да, да, Клерибелль, я верю этому. Вы также исполняли вашу обязанность относительно вашей тетки и ваших опекунов... Безжалостно разбивая мое сердце, тому назад восемь лет, и изменяя данному мне слову, чтобы сделаться женой сэра Режинальда Лисля.

– Меня так мучили тогда... Говорили мне столько ужасных вещей...

– Ну да – вам говорили, что я влюблен в ваше богатство, не так ли? Говорили, что бедный индийский офицер добивается руки дочери-сироты богатого негоцианта единственно ради миллионов, оставленных ей ее отцом... Вот что называли вам, и вы, вы, зная меня как нельзя лучше, зная искренность моей любви к вам, могли верить этому, Клерибелль!

– Я боялась полагаться на свое собственное суждение.

– Да, леди Лисль, это было важной ошибкой в вашей жизни.

Он взял опять ее нежные руки своими сильными и, держа их на некотором расстоянии от себя, долго смотрел на нее с любовью.

– Великие боги! – проговорил он. – Как может человек основывать всю свою надежду на такой слабой, достойной сожаления былинке! Чему же тут удивляться, что все здание рухнуло?... Бедная моя Клерибелль! Такое вы хорошенькое существо, но ломкое и бездушное... Скорее можно положиться на силу этих гиацинтов, чем на вашу нежность и ваше постоянство.

– О, как вы жестоки, Артур!

– Вы находите?... Помните вы еще тот сентябрь восемь лет тому назад? Кто был тогда жестоким, Клерибелль? Мы находились здесь же... О, как живо представлялась мне иногда вся эта печальная сцена и как тоскливо сжималось мое сердце при этом воспоминании!.. Да, ужасны, почти невыносимы были эти нравственные пытки!.. Каждую ночь в течение многих лет видел я во сне этот косогор... Я даже слышал шелест вашего шелкового платья, цеплявшегося за кусты; чувствовал легкое прикосновение вашей маленькой ручки к моей руке; видел ваши слезы... В ушах моих звучали опять ваши отчаянные, раздирающие душу слова, которые вам так же тяжело было произносить, как мне – их слушать. Я прижимал вас к сердцу, как и при прощании, а после этого я просыпался, чтобы смотреть на звезды сквозь крышу шатра и слушать завывание голодных шакалов.

– Я тоже страдала много... Я страдала не менее вас, – сказала Клерибелль прерывающимся голосом.

– Нет, Клерибелль, сильно ошибаются те, которые думают, что женщина страдает так же, как мужчина; она страдает, если можно так выразиться, про себя, только нечасто сильное горе действует на нее благодетельным образом, изменяет ее иногда к лучшему. С мужчиною же бывает не то: видя свои надежды разрушенными, потеряв цель жизни, он поворачивается спиной к несчастью и начинает искать себе развлечений в обществе... Я не стану объяснять вам, леди Лисль, какое широкое значение имеет слово «развлечение»; я хочу единственно сказать вам, что восемь лет тому назад я был достоин вас, но сегодня я уже недостоин.

– Следовательно, вы не любите меня больше? – спросила она.

– Люблю, Клерибелль, люблю; сердце мое никогда не было в силах полюбить другую. Я встречал женщин прекраснее вас и более достойных быть любимыми, но в своем безумии – и к моему несчастью – я не мог забыть вас, не мог разлюбить... Я проклинал вас за вашу бесхарактерность, презирал за измену, но в продолжение восьми лет, полных горя, труда и отчаяния, я ежедневно должен был признаваться самому себе, что все еще люблю вас. Скажите: не заслуживаю ли я хоть какого-нибудь вознаграждения? Вы теперь вполне самостоятельны; тетка ваша, которая имела такое сильное влияние на вас, давно уже умерла. Опекуны ваши не имеют больше над вами никаких прав, Клерибелль. Спрашиваю вас теперь, когда вы свободны, я – на том же месте, где вы оставили меня восемь лет тому назад, в таком отчаянии: хотите ли вы исполнить обеты вашей молодости?

Леди Лисль молчала несколько минут, а потом прошептала, утирая слезы, катившиеся по лицу ее с самого начала этого разговора:

– Да, Артур, если это может составить ваше счастье.

Она произнесла эти слова скорее под влиянием какого-то страха, чем под влиянием чувства. Артур обнял ее, прижал к себе и поцеловал в лоб, а затем довел молча до экипажа.

– Мама, мама! – закричал ребенок своим слабым голосом. – Я заждался тебя. Я очень голоден, и уже становится темно, а Брук устал рассказывать мне сказки.

– Потому что вы слышали их уже много раз, сэр Руперт, – заметил почтительно грум.

– Так Брук рассказывает вам сказки, сэр Руперт? – спросил весело капитан. – Вероятно, он рассказывал о Джеке, убийце великанов, и Мальчике-с-пальчика? Я думаю, будет недурно, если я расскажу вам какую-нибудь индийскую сказочку.

– В таком случае я буду вас любить и желать, чтобы вы сделались моим новым папой.

– Садитесь, сэр Руперт, – сказал Брук. – Теперь восемь часов, а вам пора кушать.

Легкий фаэтон быстро покатился по дороге и достиг через полчаса решетки Лисльвуд-Парка, одного из самых больших и красивых поместий Суссекского графства.

Маленький баронет был в восхищении от своего нового знакомого и удерживал возле себя капитана до девяти часов, прося его рассказывать ему сказки. Но как только часы пробили девять, в гостиной появилась важная, чопорная гувернантка и уговорила, хотя и с величайшим трудом, сэра Руперта следовать за ней в его комнату.

– Вы балуете своего сына, – заметил капитан, когда мальчик ушел.

– Что же делать? Мне некого больше любить.

– Он очень миленький мальчик, но слаб телосложением.

– Да, он не из особенно здоровых. Это одна из причин, почему я позволяю ему делать почти все, что он захочет. Доктора утверждают, что не следует противоречить ему, так как он чрезвычайно впечатлителен.

– Умен ли он?

– О нет, я не думаю, чтобы он обладал ясным умом, – ответила леди Лисль после некоторого колебания, – он учится очень мало. Господин Мэйсом, пастор, приходит ежедневно сюда и дает ему двухчасовой урок, я опасюсь, что он находит его слишком ленивым.

– Жалуется ли он когда на него?

– Да, жаловался несколько раз, – проговорила леди Лисль задумчиво.

– Это ничего не значит, Клерибелль; Руперт будет богат и не имеет нужды сделаться ученым. Это только нам, беднякам, осужденным на вечную борьбу за существование в этом мире, необходимо развивать свой ум.

Капитан произнес эти слова с горькой улыбкой и, встав со своего места, подошел к камину и, облокотясь на него, устремил глаза на огонь. Пламя озарило фантастическим светом его смуглое лицо, засверкало в его грустных черных глазах и резко обозначило строгие очертания его красивого рта, полузакрытого усами, которые он то и дело разглаживал рукой. Леди Лисль, сидевшая по другую сторону камина за маленьким столиком, на котором стояла лампа под абажуром, пристально смотрела на него.

– Вы изменились, капитан, – сказала она наконец.

Он ответил не сразу, но пожал плечами и подталкивал концом сапога уголья. Потом после короткой паузы он произнес спокойно:

– Так вы находите, что я изменился?... И очень изменился!.. Удивительно ли это после того, как я провел восемь лет в Индии? После того, как я восемь лет пил эль и водку... Восемь лет упражнялся на бильярде, играл в кости, в экарте, в различного рода азартные игры, в крикет... Делал набеги на неприятеля, охотился на вепрей и тигров, ссорился, заводил любовные интриги, сражался, должал!.. О леди Лисль! Мне кажется, что уж лучше не пересчитывать все свои деяния: они могли бы не прийтись вам по вкусу.

– Артур, – сказала Клерибелль, рассеянно вертя свои длинные золотистые локоны вокруг бледненьких пальчиков. – Знаете ли, что вы сделали настоящим медведем?

– Медведем! – повторил капитан насмешливо. – А! Только эту-то перемену видите вы во мне после восьми лет разлуки? Обращение мое уж не такое вежливое; голос мой звучит резче; я начинаю говорить дерзости и смеюсь прямо в глаза людям. Я стал нервно-раздражительным и имею теперь несносный характер... То есть я не стараюсь показать его хорошим, как делают люди благовоспитанные. Я обедаю в пальто и в цветной жилетке и явился к женщине, изменившей восемь лет тому назад данному мне слову и которую я не видел с тех пор, в шесть часов пополудни. Не застав ее дома, я отправляюсь вслед за ней, нахожу ее в пустынной местности – и предлагаю ей выйти за меня замуж, между тем как еще не истек год ее траура... Одним словом, леди Лисль, употребляя ваше же выражение, – я сделался медведем: вы правы.

При последних словах он взглянул в зеркало, висевшее над камином, и, быстро откинув назад свои черные волосы, долго смотрел на себя с задумчивой улыбкой. Леди Лисль не сводила с него полного недоумения взора, но не сказала ни слова. Его влияние на нее было, очевидно, громадное, и в ее обращении с ним проглядывала робость, которая, вероятно, возникла из сознания его силы и своей собственной слабости.

– Леди Лисль, – продолжал он, – я уже не кажусь вам больше таким, каким был в сентябре, тому назад восемь лет? А если я скажу вам, что с тех пор стал во всех отношениях другим человеком?

– Артур!

– Взгляните на меня в зеркало... Идите сюда, Клерибелль, станьте рядом со мною, и будем изучать вместе мое лицо. В нем нет особенных примет: две-три едва заметные морщинки под глазами, несколько резких линий вокруг рта и сильная смуглость, произведенная индийским солнцем... Великие боги! Как мало отражает лицо внутреннее состояние человека, и каким иссохшим, старым, безобразным казалось бы мое, если бы на нем остались следы всех пережитых мною душевных бурь! Посмотрите, какая у меня между тем красивая маска, и удивляйтесь, как искусно умеет человек, эта величайшая из всех загадок, скрываться за нею!

– Артур, я отказываюсь слушать вас, если вы будете продолжать в этом же тоне.

– Ах да, я говорю медвежьим языком, не так ли?... Я должен бы лежать у ваших ног и обрисовывать вам самыми радужными красками картину моего восьмилетнего пребывания в Индии: как я из любви к вам никогда не пил двойного эля; как по той же причине не прикасался ни к игральным костям, ни к картам и как избегал общества женщин, чтобы мечтать о вашем хорошеньком личике. Это звучало бы приятно в ваших ушах, не так ли?... Нет, Клерибелль, я не говорю вам всего этого. Я медведь, как вы сказали, и поэтому скажу вам одну истину. Выслушайте же меня! Я ненавижу вас столько же, сколько люблю, – и сердце мое буквально раздирается этими двумя противоположными страстями, я еще не уяснил себе, которая из них привела меня сегодня к вам.

– Артур, сердце мое разрывается, слушая вас, – сказала Клерибелль, когда он отвернулся и закрыл лицо руками. – Артур, я обещала сделать все, что будет в моих силах, чтобы вознаградить вас за прошлое... Я обещала это, да? – повторила она, стараясь поднять его голову своими маленькими руками.

– Да, да, вы добры, Клерибелль, и вы обещали даже сделаться моей женою... О моя возлюбленная, моя мучительница, моя дорогая и жестокая Клерибелль!.. Пусть это ужасное прошлое забудется раз и навсегда, и да не падет ни малейшей тени от него на эту прелестную головку!

Клерибелль, – начал он снова, – вы обещали быть моей женою: не раскаиваетесь ли вы теперь в этом обещании? Не страх ли принудил вас сдаться на мою мольбу? Обдумайте это, моя дорогая, пока еще не поздно; скажите одно слово, и я оставлю сегодня же вечером этот дом, а через два дня буду снова на пути в Индию... Одно слово, Клерибелль, и вы будете избавлены от меня навеки.

Она подняла на него полные слез глаза и, положив свои нежные пальчики в его широкую руку, проговорила чуть слышно:

– Никогда... Никогда не любила я никого, кроме вас... Я поступила очень дурно, изменяя данному вам слову и выходя за сэра Режинальда Лисля; но я была слишком слаба, чтобы противиться воле моих родных... Как часто сидела я с мужем против этого камина и думала о вас, так что и эта комната и лицо мужа исчезали для меня... Я видела вас раненым на поле битвы или спящим в каком-нибудь мрачном, непроходимом лесу... Видела вас одиноким, покинутым, больным, умирающим; но, слава богу, вы здоровы и невредимы, вы возвращены мне снова... И вы все еще любите меня!

– Люблю и буду всегда любить... Это ведь пункт моего помешательства, Клерибелль... Так вы выйдете за меня, что бы ни случилось, по Божьей воле, дурного или хорошего?

– Да!..

Она задрожала, взглянув опять на его мрачное лицо, и с ужасом повторила медленно его последние слова: «дурного или хорошего».

Глава II

Взгляд на прошлое

Почтенные жители Лисльвуда, в Суссексе, вероятно, помнят еще, как какой-то капитан Вальдзингам, служивший в индийской армии, приехал погостить к сэру Режинальду восемь лет тому назад. Быть может, в их памяти еще сохранились его свежее лицо, изящные манеры и воинственная осанка; не забыли они, конечно, и бряцание его шпор, когда он проходил по длинной, дурно вымощенной улице деревни; свист хлыстика, который он вертел так грациозно в руках, и лоск его прекрасных черных усов (капитан служил в кавалерии); добрую его улыбку, с которой он обращался к детям, приближавшимся к нему, чтобы полюбоваться на блестящего офицера, и его звонкий голос, когда он останавливался перед «Золотым львом», ожидая прибытия лондонского дилижанса, или когда заходил к кузнецу или ветеринару, чтобы посоветоваться насчет своей охотничьей лошади.

– Это очень благородный и любезный джентльмен, великодушный и откровенный, – говорили о нем жители Лисльвуда.

Помнят они также, как он до безумия, отчаянно влюбился в мисс Клерибелль Мертон, сироту и наследницу одного богатого негодяя великой Индии, жившую под опекой своей тетки, старой девы, сестры экс-ректора прихода. Эти добрые люди помнят об этой любви, потому что капитан Артур Вальдзингам, который вовсе не принадлежал к числу скрытных людей, имел по крайней мере двадцать поверенных и угрожал тысячу раз застрелиться или утопиться, если любовь его будет отвергнута. Мартин, его слуга – превосходный мальчик, – сказал однажды служанке «Золотого льва», что он спрятал пистолеты своего господина и очень жалеет, что не может сделать того же с рекою. Капитан Вальдзингам показал себя чуть-чуть неосторожным и нескромным в своей любви к прекрасной наследнице со светло-русыми волосами, с детскими манерами и полнейшим отсутствием энергии и характера. Капитан клялся, угрожал и протестовал, когда его обвиняли в том, что он ухаживает за нею только ради ее богатства, и просил отдать ее за него без всяких денег и основать на ее миллионы богадельню. Весь Лисльвуд знал повесть этой любви, чрезвычайно интересовался ею и сочувствовал страданиям капитана. Каждое тайное свидание, происходившее на широкой равнине или на косогорах, которые окружали село, было известно всем и каждому. Каждый вечер, когда он проходил мимо сада тетки, чтобы видеть слабый свет лампы, пробивавшийся сквозь оконные занавески, каждое письмо, доставленное украдкой горничными, гиней, которую кузнец расколол пополам по просьбе капитана и половинками которой поделились влюбленные, бурные сцены между капитаном и опекуном мисс Клерибелль – все это было предметом общих толков и пересудов во всех домах в Лисльвуде. Толковали об этом молодые женщины, которые находили прекрасного капитана слишком завидным обожателем для этой «глупой, взбалмошной мисс» – с такой непочтительностью отзывались они о мисс Мертон; толковали и старые женщины, которые утверждали положительно, что капитан добивается единственно денег; присоединялись к этим толкам также холостяки с седыми головами, называвшие капитана сумасшедшим за его бурную и откровенную любовь. Одним словом, весь Лисльвуд обсуждал со всех сторон увлечение Вальдзингама и разбирал и его самого до мельчайших подробностей.

Я думаю, что единственная особа, остававшаяся безусловно спокойной в это время, была молодая героиня этой сентиментальной драмы. Клерибелль Мертон не делала никаких признаний и не искала поверенных. Никто и никогда не слышал, чтобы она сделала сцену или упала без чувств к ногам своей неумолимой опекуниши или совершила бы опрометчивый шаг, отвечая на страстные послания своего обожателя. Действительно, она выходила на свидания на отдельные косогоры, но все были уверены, что с ее стороны эти свидания имели самый безгрешный

характер, и объясняли их тем, что капитан бродил вокруг ее дома, видел ее выходявшей оттуда и следовал за нею. Словом, о мисс Мертон упоминалось редко. Красивая, бледная, с длинными золотистыми локонами, которые окружали как бы ореолом ее грациозную наклоненную головку, она приковывала к себе каждое воскресенье, в церкви, внимание всего Лисльвуда, но никто никогда не замечал, чтобы ее лицо вспыхивало или бледнело под жгучими взглядами Артура Вальдзингама, который грыз с досады переплет своего молитвенника. Он мог стоять во все время пения псалмов, опираясь на находящуюся перед ним деревянную решетку, и упорно смотреть на Клерибелль со свирепым видом, небритый, с тусклым неподвижным взором, мог выбегать из церкви в самой середине проповеди ректора, скрипя сапогами и звеня шпорами по каменным плитам храма, мог беспокоить сколько хотел находящихся в церкви, мог всем этим шумом привлекать внимание воспитанников, так что они нередко восклицали: «Негодный Вальдзингам». Но чтобы он ни делал, ему не удавалось нарушить постоянное спокойствие мисс Мертон. По окончании проповеди, когда ректор благословлял присутствующих, а народ начинал расходиться из церкви, мисс Клерибелль выходила на кладбище и также спокойно проходила мимо капитана, сидевшего на какой-нибудь могиле и смотревшего на нее в мрачном отчаянии. Едва она нечаянно задевала его своим шелковым платьем, он начинал трепетать всем телом, она как будто не замечала этого, и в ее холодных голубых глазах не выражалось ни удивления, ни волнения, ни смущения, ни досады, ни любви, ни даже сожаления.

– Вы считаете меня сумасшедшим, потому что я люблю до безумия восковую куклу? – воскликнул капитан однажды вечером в Лисльвуд-Парке, когда он выпил больше обыкновенного и баронет с другими товарищами начал смеяться над его страстью. – Я знаю не хуже вас, что это глупость, простительная только школьнику, но тем не менее эти бредни могут довести меня до могилы.

Однако как бы много общего ни имела мисс Мертон, как утверждали ее враги, с теми прекрасными произведениями искусства с голубыми глазами и золотистыми волосами, которые можно видеть в игрушечных магазинах, но все же она была богатой наследницей и вдобавок еще прелестной женщиной; вследствие этого ли обстоятельства или по причине говора, вызванного бешеной страстью капитана, – а через шесть недель по приезде индийского офицера в Лисльвуд она, как говорится, вошла в моду; и будь она безобразнее семи смертных грехов, то и это не помешало бы ей выйти теперь замуж и за самого богатого, если бы была бедна. Будь она хоть индианкой, некрасивой и горбатой, – но, войдя уже в моду, она должна была сделаться предметом восторга, удивления, искательства и поклонения. Чудесная перемена произошла вдруг, и люди, которые прежде едва замечали ее, стали сходить с ума от желания жениться на ней, то есть не на ней собственно, а на ее известности; им просто хотелось отражать лучи этой яркой планеты, попировать на чужом пиру.

Итак, мисс Клерибелль Мертон сделалась центром внимания всего Лисльвуда, и через два месяца после прибытия капитана сэра Режинальда предложил ей руку – единственно из-за удовольствия отбить ее у другого; предложение это было принято девушкой благодаря подстрекательствам тетки. В это-то время и разыгралась ужасная сцена на вершине косогора, носившего название Бишер-Рида. Не дождавшись капитана к обеду, из замка послали Мартина, его слугу, искать его, и тот, направившись инстинктивно к косогору, нашел своего господина распостертым на мокрой траве, в состоянии совершенного оцепенения. После этого Вальдзингам хотел вызвать на дуэль сэра Режинальда, вышла отчаянная ссора между соперниками, которая кончилась, однако, только отъездом капитана. Он оставил замок, желая баронету быть счастливым со своей бездушной невестой, затем поскакал как сумасшедший по улицам села и отправился в Индиа-Гуз просить, чтобы его послали куда-нибудь, где враги его отечества из жалости поспешили бы его убить.

В Лисльвуде спрашивали себя: была ли мисс Клерибелль Мертон огорчена тем, что ее принудили отвергнуть своего «сумасбродного» обожателя? Но, по обыкновению, лицо моло-

дой девушки не выдало ее тайны: оно было прекрасно, но вполне безмятежно. Она вышла за сэра Режинальда без любви, сделала это так же бесстрастно, как брала уроки музыки, не имея слуха, и училась рисованию, не обладая эстетическим вкусом. Все, что ей предписывали делать, то она исполняла. Она вышла бы за капитана по его приказанию, так как не была в состоянии противиться силе, если бы не поддержало ее противодействие тетки, которая вследствие долгой привычки имела над ней неограниченную власть. Она зависела вполне от тех, которые руководили ею, смотрела их глазами, думала их умом и употребляла в разговоре только их выражения. Капитан мог быть совершенно искренним в своей любви и честным, но если тетке мисс Клерибелль было угодно выставить его обманщиком, то и сама мисс начинала тотчас же сомневаться в нем. Она говорила ему своим тихим, нежным голосом тысячу несправедливостей, которые были исключительно повторением слов ее опекуниши. Ее можно было сравнить с кораблем без руля и якоря, отданным на произвол изменчивого ветра; не успел еще капитан с доверенным ему полком достигнуть Мальты, отправляясь в Индию, как крестьянские дети уже усыпали цветами путь, по которому должны были идти из церкви к замку сэра Режинальда и леди Лисль.

Прошло без малого восемь лет с того прекрасного октябрьского утра, в которое Клерибелль Мертон сделалась женой молодого баронета, и сэра Режинальда Мальвина Бернарда Лисль сделался главным предметом любопытства в другой церемонии в той же сельской церкви. Эта церемония происходила без всякого блеска и шума, потому что смертные останки молодого человека покоились в гробу, обитом черным сукном, украшенным серебряными гербами и рельефными начальными буквами его имени, под тяжелым бархатным покрывалом, который несли благороднейшие джентльмены Лисльвуда. Затем появился новый надгробный памятник из дорогого мрамора возле испещренных стихами статуй кавалера Мармэдука Лисль, почетного камергера ее величества королевы Елизаветы, и Марты, его супруги, в коленапреклоненной друг против друга позе. Этот новый памятник свидетельствовал, что под ним, рядом с прахом его высокородных предков возле алтаря, погребено тело последнего баронета Режинальда Мальвина Бернарда, сына Оскара. Сэр Режинальд умер от наследственной болезни, которая свела в преждевременную могилу большинство членов рода Лисль. В продолжение трех поколений умирал глава этого дома по достижении тридцатилетнего возраста и оставлял одного только сына наследником своих титулов и богатства. Если бы сэра Режинальда умер бездетным, то баронство наследовал бы один дальний родственник его, любитель музыки и живописи, живший в Неаполе; но сэра Режинальда последовал примеру отца и деда, оставив после себя шестилетнего сына, бледного и нежного, сильно похожего на мать и в нравственном и в физическом отношениях. Сэр Режинальд и леди Лисль не были несчастными супругами. Сэр Режинальд был любитель спорта, лошадей, собак, стрельбы в цель, поездок – одним словом, всех тех развлечений, которым так охотно отдаются джентльмены, имеющие много денег и никакого дела. У него была ферма, и он начал применять на ней новые системы земледелия, что потребовало громадных расходов и не дало ему ничего в результате; но эти попытки занимали его, и он заставлял молодую жену ходить с ним через вспаханные поля и сенокосы в дождь и в жестокий зной, чтобы видеть его опыты, против чего она и не протестовала.

У него происходили конские скачки, и весь Лисльвуд оживлялся присутствием прекрасных беговых лошадей и жокеев; однако и это удовольствие, как и все другие, приелось баронету. В одно прекрасное утро в столбцах «Бель-лейфа» появилось объявление о продаже «беговых лошадей сэра Режинальда Лисля, включая Клерибелль, одерживавшую постоянные победы на всех скачках». Со временем ему надоело и прочее: все потеряло цену в пресыщенных глазах. Клерибелль, как мы видели, была тиха, мягка, хотя и не нежна. Она сопровождала скучающего мужа, когда ему вздумалось путешествовать для рассеяния, и пила воды в Спа по его просьбе, пробегала с ним картинные галереи, наполненные произведениями фламандской и итальянской школы, – не умея отличить одну от другой и принимая Тициана за Тениера

или Сальватора Розу за Рубенса. Если бы он предложил ей взойти на Монблан, она храбро взобралась бы до самой вершины, хотя бы это могло стоить ей жизни. Это рабское послушание, сопровождавшееся спокойной улыбкой, нельзя было назвать прирожденной кротостью: в нем скорее выражалась полная апатия ко всему окружающему – все было для нее легче сопротивления. Она слушала баронета, когда он говорил, читала ему вслух по летним вечерам описания боксов, помещавшиеся в «Бель-лейфе», не понимая ни единого слова из того, что читала. Она садилась в его фаэтон, запряженный парюю пони, чтобы ехать на какую-нибудь скачку, хотя она не была в состоянии отличить победившую лошадь от прочих и едва помнила названия своих лошадей. Когда сэр Режинальд начал хворать, она ухаживала за ним с величайшей заботливостью; если он начинал сердиться на нее, она переносила без возражений вспышку; если же он был печален, она всегда старалась успокоить его, а когда он скончался, то горевала о нем тоже по-своему. Она покинула Лисльвуд сейчас же после похорон и уехала на воды, находившиеся где-то в Суссексе, сопровождаемая только сыном и горничной. Обширный, великолепный замок с его прекрасными комнатами, в которые недавно вошла мрачная смерть, наводил на нее какой-то странный ужас, и вид темных аллей влиял на ее нервы. Тетка ее умерла вскоре после ее замужества, у нее не осталось ни родных, ни друзей. Вследствие этого она страстно привязалась к единственному сыну и посвятила ему всецело свою жизнь. Вспоминала ли она о прекрасном капитане с тех пор, как сделалась свободной? Это могло случиться, и нет ничего странного, если причина грусти ее заключалась в сознании, что она так терзала этого человека восемь лет назад. Ей не было известно, жив ли он или умер, и она не имела ни малейшей возможности узнать о его участи. Сэр Режинальд не произносил никогда больше имени своего экс-приятеля со времени их ссоры. Она не смела даже думать о Вальдзингаме: по ее мнению, было нечестно думать о другом человеке, когда муж так недавно похоронен и серебряные украшения его гроба не успели еще потускнеть в сыром склепе. Она начала путешествовать с сыном, показывая ребенку громадные, мрачные соборы, которые она посещала иногда вместе со своим отцом. Она повезла его в Антверпен, Кельн, Брюссель, Мюнхен, а после шестимесячного путешествия возвратилась в Лисльвуд. На другой день своего возвращения она снова увидела Артура Вальдзингама на том самом месте, где оставила его восемь лет назад.

Глава III

Новый владелец Лисльвуд-парка

Прошло полгода со времени приезда индийского офицера, и вершины дубов прекрасного Лисльвудского парка гнутся с треском под напором сильного мартовского ветра. Лисльвуд – громадное и великолепное поместье: на далекое расстояние тянутся принадлежащие ему земли, составляющие вместе с ним собственность молодого баронета. За обнаженными холмами, покрывающими окрестности, виднеются довольно порядочные фермы, плата с которых сэру Руперту Лислю производится после сенокоса или жатвы, стрижки овец или убоя свиней. Можете пройти целые мили по тернистым проселочным дорогам или по гладкой большой дороге, миновать целые леса низкорослой сосны и множество разбросанных между холмами деревень – вы все еще будете на землях сэра Руперта. Спросите, где хотите: кто владелец этой дороги, осененной орешником и шиповником, этих сочных лугов, виднеющихся там за изгородами, или этих красивых коттеджей, – спросите, кого хотите, и вам непременно ответят: «Это собственность сэра Руперта Лисля». Если вы останавливаетесь в какой-нибудь деревенской гостинице и поднимаете глаза на грубую вывеску, качающуюся над входом, то прочтете: «Герб Лисля», или «Корона баронета», или же: «Гостиница сэра Руперта Лисля». Если во время прогулки по окрестностям Лисльвуда вы увидите какого-нибудь фермера, надсматривающего за работниками, стоя на стоге сена или в дверях житницы, – то знайте, что это один из ленников сэра Руперта. Имя Лисль такое же древнее и знаменитое в Суссексе, как Гастингская битва, потому что Оскар – один из лордов Лисль, который помог победить Гарольда, короля англосаксов. Дарованные грамоты и титулы семилетнего баронета могли бы покрыть собою самую длинную аллею Лисльвуд-Парка, если бы развернуть их во всю ее длину. Церковь Лисльвуда была наполнена памятниками и трофеями этого старинного рода; знамена, отбитые у неприятеля при Кресси, Гарфлор и Флоддене, висели лоскутьями на портретах кавалеров и воинов, прах которых покоился под плитами церкви. В ризнице этой церкви, бывшей некогда часовней Лисль, почтенный ректор постоянно задевал стихарем за памятники превосходнейшей скульптуры. Куда вы тут ни взглянете – повсюду взор ваш встречает знатное имя Лисль: оно виднеется на всех стенах, покрытых надписями на исковерканном латинском наречии; оно красуется золотыми литерами и на органе, пожертвованном дедом настоящего баронета, и написано старыми письменами над папертью, где по завещанию шестого баронета ежедневно происходила раздача хлеба неимущим поселянам Вуда.

Налюбовавшись всеми этими памятниками древней фамилии, этими материальными доказательствами знатности и богатства рода Лисль, было как-то странно видеть в единственном владельце этого громадного поместья бледного, болезненного мальчика, машинально игравшего в саду. Неужели вождь норманнских стрелков, могучий гонитель саксонцев, герои Кресси и Флоддена, все благородные роялисты, сражавшиеся под знаменем Руперта дю Рин, храбрые джентльмены, одержавшие победу над надменным сыном Луси Ветера в Местон-Муре, – все эти гордые, неустрашимые люди оставили после себя только этого слабого ребенка с золотистыми волосами, чтобы наследовать их славу и богатство? Казалось, что тяжесть громадного наследства должна бы раздавить такое слабосильное и нежное создание, у него даже не было никаких близких родственников, с которыми он мог бы поделиться избытком. Все, что принадлежало матери, должно было перейти со временем к нему. Отдаленный от света и людей, изнывавший в бесконечной борьбе, он, казалось, тяготился своей баснословно роскошной обстановкой.

Итак, мартовский ветер гнул обнаженные ветви дубов Лисльвуд-Парка, а леди Лисль, ныне миссис Артур Вальдзингам, ожидали с континента, куда она отправилась после своей

свадьбы с индийским офицером. Второй брак Клерибелль был обставлен не так, как первый. Холодное, пасмурное утро неприветливо встретило крестьянских детей, еще раз выстроившихся в ряд вдоль по дороге, которая вела в церковь, и на этот раз путь невесты не был усыпан цветами, потому что зима стояла необыкновенно холодная, и в лисльвудских садах нельзя было отыскать ни одного подснежника. В это февральское утро ледяной ветер раздувал шелковое платье новобрачной и ерошил черные волосы новобрачного. Зубы ректора так и стучали во время совершаемого им обряда. Проливной дождь барабанил в окна и заглушал монотонный голос ректора, а рука новобрачной так дрожала в холодной, сырой ризнице, что она едва могла владеть пером, чтобы вписать свое имя в метрическую книгу.

На этой свадьбе не присутствовало никаких посторонних: нотариус леди Лисль оставил ее, а из соседней никто не был приглашен. Экипаж леди Лисль ожидал у ворот кладбища, чтобы отвести новобрачных на станцию железной дороги, находившуюся в нескольких милях от Лисльвуда, откуда они отправлялись в Довер, где намерены были сесть на какой-нибудь пароход, который доставил бы их на материк. Леди Клерибелль как будто совестились, что выходит теперь замуж за своего первого обожателя, который был некогда отвергнут ею. Кажется, что она желает видеть брачную церемонию скорее оконченной, чтобы бежать из Лисльвуда, где ее все знали. Она кинулась на холодные плиты ризницы и нежно прижала к себе маленького баронета. Она первый раз в жизни выказала публично свой сердечный порыв, и такая чувствительность удивила присутствующих.

– Не поступила ли я дурно относительно тебя, мой Руперт? – воскликнула она. – Не неприятен ли тебе этот брак?

Капитан стоял в это время, отвернувшись от матери и сына, и смотрел каким-то неопределенным взглядом в окно ризницы, за которым дрожащие от стужи дети ожидали новобрачную.

– Готовы ли вы, леди Лисль? – спросил он наконец.

Она не отвечала, но отослала от себя сына и жадно следила за ним взором, когда он выходил из ризницы в сопровождении своей гувернантки. Услышав стук уехавшего экипажа, который отвозил сэра Руперта в Лисльвуд, она, взяв капитана под руку, простилась с ректором и вышла тоже из церкви. Крестьянские дети заметили ее бледное лицо, полные слез глаза и светло-русые волосы, промокшие под дождем и растрепанные ветром; заметили они и то, что лицо капитана было еще бледнее и рука его дрожала, когда он отпирал ворота кладбища.

Шесть недель, назначенные на брачную поездку, протекли, и новобрачных ждали с часу на час; во всех комнатах замка пылал яркий огонь.

Весь замок был вновь отделан к свадьбе сэра Режинальда с богатой мисс Клерибелль. Старинные дубовые панели времен одного из первых Генрихов были снова отполированы и украшены позолотой и разноцветными гербами. Перед овальным зеркалом в дорогих резных рамах красовались консоли из золота, серебра, бронзы, черного дерева и стали. В громадной библиотеке, вся мебель которой была из Вуда с золотыми украшениями, были проделаны окна со сводами. Рамы всех фамильных портретов, висевших по бокам двух великолепных лестниц, которые шли с двух сторон передней и соединялись на широкой площадке, откуда шли вокруг всего замка две галереи, были тоже покрыты новой позолотой, и сама живопись была обновлена. Парадная гостиная убрана в новейшем вкусе: со светло-желтыми стенами, серебристыми карнизами и белой шелковой драпировкой, отделанной бахромой самого нежного розового цвета. Пол покрывался ковром, по белому фону которого были искусно разбросаны букеты полурасцветших роз. Кресла и диваны были из какого-то белого дерева, которое блестело как слоновая кость; их можно было привести в движение легким прикосновением руки – и они скользили по ковру, не оставляя ни малейшего следа.

Эта гостиная сообщалась с другой, которая была меньших размеров и обита зеленой материей. Из нее вел потайной ход в комнаты леди Лисль, которые отделялись от прочих

длинными коридорами. Столовая хотя и была меблирована согласно требованию времени, но скульптурные произведения в ней были древние. Драпировка ее была зеленая бархатная, турецкий ковер – тоже зеленый. Стены украшены, как лестницы и галереи, картинами итальянских знаменитостей и фамильными портретами.

В каминах пылал яркий огонь, в серебряных и хрустальных люстрах были зажжены – в честь предполагаемого возвращения новобрачных – все свечи. Белое как снег белье, серебряная посуда и огромные позолоченные судки, стоявшие на буфете в столовой, роскошная спальня с драпировкой из лилового бархата на белой атласной подкладке, уборная, в которой зеркала и фарфоровые безделушки были неимоверной цены и которая защищалась двойными рамами от сырости, пушистые аксминстерские ковры, превосходно выдержанная прислуга, говорившая тихо, ходившая всегда осторожно, ловкая и приличная, дорогие вина, стоявшие в серебряных жбанах, утонченнейшая кухня, которой заведовал искусный француз, – все это богатство, весь этот блеск и комфорт, вся эта баснословная роскошь развернулись теперь, чтобы польстить всем пяти чувствам индийского офицера, который бросил к черту свой капитанский чин (немногие могли объяснить – почему).

Взглянем еще раз ближе на красивого воина, сидящего за столом против своей жены: он не кажется счастливым посреди этой роскоши. Он держит в руках хрупкий и прозрачный бокал, не замечая даже, что вино его льется потихоньку на стол. Он выпил большое количество мадеры или мозельского вина, но этот благородный напиток не развязал ему язык и не прояснил лица. Он сильно изменился с тех пор, как приходил в лисльвудскую церковь, чтобы преследовать своим упорным взглядом Клерибелль Мертон. Кажется, будто эта сильная, гордая, великодушная и беззаботная натура истлела под лучами тропического солнца.

Клерибелль же почти вовсе не изменилась. Красота ее еще не потеряла первоначальной свежести. Голубые глаза ее остались так же ясны, она кажется только немного посolidнее, и тяжелое платье ее с отделкою из кружев шуршит как-то внушительно, когда она проходит по освещенным комнатам.

– Клерибелль, – начинает капитан, оставшись вдвоем с ней пред камином гостиной. – Ваше богатство и величие производят на меня крайне тяжелое впечатление.

– Капитан Вальдзингам!

– О да, вы, разумеется, не поняли меня. Браки по расчету так приняты, что я не имею права жаловаться, если и на меня смотрят как на человека, женившегося единственно ради денег, как это делается людьми, превосходящими меня во всех отношениях... А все же, Клерибелль, я страшно тягочусь этим великолепием. Я задыхаюсь в этих раззолоченных комнатах... Я жалею о вольном, казарменном житье, о моей грубой трубке, о моем денщике, перед которым я мог произносить проклятия, чего я не могу, конечно, допустить перед вашими слугами, одетыми в ливрею лорда Лисля. Я скучаю о картах, за которыми я сидел до тех пор, пока звезды не меркли над крышами Калькутты. Необходимы мне и игральные кости, и все то, чего нет в этой золотой клетке. В этом доме я научился некогда страдать, и если б он не был переделан ко дню вашего первого брака, то я мог бы указать вам кресло, которое я схватил, чтобы ударить им сэра Режинальда в тот день, когда он одержал победу надо мной.

– И вы ударили его? – спросила миссис Вальдзингам с любопытством пансионерки.

– Нет, мужчины никогда не дерутся в полной посетителями гостиной... Найдется непременно кто-нибудь, который скажет: «Вальдзингам, не будьте же смешным!», или: «Лисль, что вы задумали?...» Нет, нас разняли, как разнимают двоих детей, дерущихся на улице, а на следующее утро я послал ему вызов.

Ей доставляло какое-то детское удовольствие слушать подробности этой ссоры. Но капитан не мог дотрагиваться до своих старых ран, не чувствуя в них боли.

– Что, если б дух сэра Режинальда мог видеть меня сидящим у этого камина, Клерибелль?

Она с тайным ужасом взглянула на дверь, как будто видела ее отворяющейся под рукой ее первого мужа.

– Артур, вы были одно время очень дружны с Режинальдом... Вы будете добры к его сыну, не так ли? Вы сделаете это для меня? Богатство может привлечь к нему ложных друзей и дурных руководителей. Близких родных нет у него. Самый близкий к нему тот, кто будет его прямым наследником, если он умрет бездетным... Я, может быть, не доживу до его совершеннолетия... Он слабого здоровья и, как все говорят, не имеет способностей. Вы вольны сделаться ему другом или врагом. Вы будете, конечно, его другом, Артур?

– Да, это так же верно, как то, что я еще надеюсь пользоваться вашей любовью, Кле-рибелль! Я ни добр, ни умен, но исполню свою обязанность относительно вашего сына, сэра Руперта Лисля.

Глава IV

У решетки парка

Несмотря на то что капитан Вальдзингам, бывший в Восточной Индии, серьезно не чувствовал себя счастливым в новой обстановке, все же в Лисльвуде было много завистников, которые почти ненавидели его за «необыкновенное счастье», выпавшее на его долю. Он обращал очень мало внимания на этих почтенных людей и на их образ мыслей. Погруженный в свои безотрадные думы, он не интересовался общественным мнением и прогуливался с нью-фаундлендской собакой по большой аллее сада, над которой ветви дубов образовали свод. Он несколько раз останавливался у железной решетки, которая отделяла парк от проезжей дороги, и смотрел через нее куда-то вдаль. В это время в глазах его было то же грустное, тоскливое выражение, которое, по словам поэтов, замечается у орла, лишённого свободы, или у льва, заключённого в клетку.

Знает ли он, что в эту минуту, когда он стоит, заложив руки за спину, у решетки парка своего пасынка, на него устремлены глаза завистников и что, если б одно желание могло бы убивать, он тут же упал бы бездыханным на землю?

У окна готической сторожки, направо от решетки, стоит мужчина лет тридцати. Как и капитан, он мрачен и уныл, лицо его с резкими чертами загорело от солнца, он высок, плечист и силен, но осанка его какая-то вялая, апатичная. Глубокие морщины окружают его впалые глаза и придают злое выражение крепко сжатому рту. Подобно капитану, он тоже курит на утреннем воздухе, но не так, как тот, смотрит сквозь струйки дыма, которые поднимаются из его длинной трубки, а взглядом, полным ненависти, зависти, злости и сдержанного бешенства, – взглядом тигрицы, выжидающей удобного момента, чтобы накинуться на свою добычу. Имя его – Жильберт Арнольд. Десять лет тому назад он был самым отчаянным браконьером во всем Суссексе. Ныне же он благодаря исправительной тюрьме преобразился, то есть сделался ленивым и угрюмым и живет за счет своей жены, молодой трудолюбивой женщины, которая исполняет должность сторожа главного входа.

Много тяжелых минут пережила Рахиль Арнольд с того дня, когда она семь лет тому назад надела соломенную шляпку с белыми лентами, чтобы идти в лисльвудскую церковь под венец с браконьером: избранник ее оказался в конце концов человеком дурным, которому маска раскаяния и религиозности давала возможность вести праздную жизнь. Ему нетрудно было поднимать к небу свои желтоватые глаза, когда усердный ректор заходил в сторожку, чтобы навестить своего протеже, нетрудно было читать брошюры душеполезного содержания, и Жильберт Арнольд очень любил читать их, так как в них обыкновенно громят богатых, прекрасных, счастливых, могучих – одним словом, всех тех, кого он ненавидел ненавистью, граничившей с полнейшим сумасшествием. Нетрудно провести добрых, простодушных пасторов, которые так горячо желают спасения наших душ, что готовы видеть в исполнении одних обрядов искреннее стремление к добру. Да, очень нетрудно делать все это и быть в то же время завистливым и недовольным, ленивым и требовательным, дурным мужем и негодным отцом, внутренне ропщущим на свое положение и желающим всякого зла людям, пользующимся различными преимуществами перед ним. Легко, к слову сказать, казаться мирным жителям Лисльвуда превосходным человеком и быть на самом деле ужасным негодяем. У него был только один сын, болезненный и развивающийся не по летам ребенок, которому пошел недавно восьмой год. У мальчика были совершенно светлые волосы, бледное лицо, как и у его матери. Ребенок не был вовсе похож на своего отца.

– Вот он, Рахиль! – сказал Жильберт, смотря на капитана.

– Кто? – спросила та, занятая у печки.

– Наш новый... господин... Мне кажется, что его нужно называть «Капитан – неизвестно какой».

– Капитана Вальдзингама?

– Да. Капитана Вальдзингама... Это какое-то удивительное имя, как будто взятое из какой-нибудь комедии или одного из тех романов, которые леди читает постоянно, хотя ректор называет их безнравственными... Мошенник и бродяга!.. Я ни за что на свете не поклонюсь ему, и пусть он знает это.

– О Жильберт! – прошептала боязливо жена его.

Как и все давно служащие у господ, Рахиль принадлежала к партии консерваторов, но она так привыкла к грубому тону мужа, что не придавала особого значения его разглагольствованиям.

– «О Жильберт!» – повторил он, передразнивая жену. – Да, я недаром называю его мошенником: какое он имел право прийти сюда, чтобы разжиреть на добре покойного сэра Режинальда? Какое этот негодяй имел право, приехав сюда без гроша, втереться в милость этой идиотки, которую ты называешь своей госпожой? По какому, наконец, праву величает себя такой нищий бездельник владельцем Лисльвуда?... Мне было очень тяжело валяться в ногах сэра Режинальда, а перед этим я никогда не унижусь... Да вы, верно, хотите, чтобы я сделал это... Не правда ли, что так? – сказал он, обращаясь к затылку капитана, который между тем докурив сигару и пошел в глубь аллеи. – Содержать его собаку стоит вдвое дороже, чем прокормить моего сына, – продолжал Жильберт, когда Вальдзингам исчез уже из глаз. – Взгляни на него, – продолжал он, указывая на мальчика, сидевшего за сосновым столом и опорожнявшего чашку с молоком и черным хлебом. – Этот суп не лучше того, который дается волку каждое утро к завтраку, это я видел не раз собственными глазами.

– Но господа добры и приветливы к нам.

– О боже! Знаю это, они дают нам то, что дурно для прислуги, а слишком хорошо для выкормки свиней. Они даже дали тебе пять шиллингов, чтобы купить обувь Джиму. А к Рождеству дарят нам бутылку вина, этого прекрасного вина, которое превращает всю нашу кровь в огонь и делает нас добрыми, пока мы его пьем! Но что же это доказывает?... Он может пить это вино каждый день, может и купаться в нем, если захочет, и кормить свою собаку серебром... Видишь баронета в бархатном камзоле, садящегося на пони? Это чистокровный пони, который стоит больше денег, чем ты когда-либо клала в банк, если даже мы тратились только на самое необходимое!.. А теперь полюбуйся на моего сына, в голубой холстинковой блузе и башмаках, подбитых гвоздями; между тем я очень хорошо знаю, кто из этих двоих более искусен в различного рода упражнениях.

– Да, наш Джимми умный мальчик, – сказала мать, с любовью глядя на сына. – Но ему надо быть добрым и послушным и не мучить поросят и кур, потому что это очень гадко.

– Черт тебя побери! – воскликнул браконьер. – Я вовсе не желаю сделать из него бабу! Пусть мучает поросят сколько ему угодно. Я делал то же самое, когда был в его летах!

Жильберт Арнольд, который проводил целые дни за трубкой, заложив руки в свою бархатную жилетку, далеко не походил на человека, следовать примеру которого было бы полезно. Может быть, эта самая мысль мелькнула в голове его жены, когда она, вздыхая, принялась снова за дело. Он любил видеть ее работавшей до изнеможения и часто упрекал ее в лени, между тем как стоял сам за дверью, следя за всем, что происходит в сторожке. Но случилось и так, что он горько смеялся над ее прилежанием и, указывая трубкой, которая, мимоходом сказать, была почти постоянно в его руках, на замок, спрашивал, не думает ли она заработать себе на постройку такого же дома?

Предрасположение Жильберта Арнольда к ненависти, зависти и злобе было сильнее, чем у других людей, равных ему по состоянию. Он презирал индийского офицера, но он презирал также и сэра Режинальда, хотя последний и подарил его жене готическую сторожку, давая ей

очень хорошую еженедельную плату, да, кроме того, простил Жильберту множество проступков, содеянных им в Лисльвуде. Он ненавидел белокурого мальчика, который проезжал мимо него на своем чистокровном пони, завидовал его прекрасному замку, убранство которого стоило так дорого; ему хотелось бы сорвать баронета с седла и втоптать его в грязь. Он стоял в лунные ночи на крыльце, смотря на замок, желая, чтобы это величественное здание было вдруг объято пламенем и превратилось бы в безобразную груды дымящихся обломков.

– Горят же другие дома, а этот никогда не сгорит! – бормотал он со злостью.

Одно время свирепствовала в Лисльвуде оспа – и Жильберт находился в необыкновенно розовом настроении духа. Но страшная гостья ушла, не постучавшись своей страшной рукой в ворота Лисльвуд-Парка.

– У других умирает их единственный ребенок, а этот все живет! – рассуждал Жильберт.

Но хотя баронет и избежал благодаря неутомимым заботам нянек и докторов различных опасностей, угрожающих детям, он был тем не менее не особенно крепок. Он был слишком мал ростом, чрезвычайно вял и учился с трудом. Телесные упражнения не нравились ему, к книгам и картинкам он тоже не чувствовал никакого влечения. Он сидел по целым дням в своей комнате, не делая ничего, и его заставляли только насильно сесть на пони. Он был не больше семилетнего сына Жильберта и гораздо слабее его. Он не был ни привязчив, ни нежен и довольно равнодушно относился к своей матери, которая его боготворила. Казалось, что он симпатизировал преимущественно сыну Жильберта. Он останавливал своего пони перед калиткой, когда Джеймс Арнольд играл в саду, и задавал ему сотни детских вопросов, между тем как Жильберт, скрывшись в тени за дверью, смотрел на детей своими кошачьими глазами.

Замечательно, что Жильберт всегда избегал дневного света. Даже в своих четырех стенах он как будто бы прятался от врага. Быть может, это было в нем результатом прошедшего, когда он в течение долгих часов скрывался в кустах или лежал во рву. Он шел по своему дому тихо и осторожно, будто ожидая, что вот-вот выскочит из-за угла какой-нибудь лесничий или констебль. Он не занимался ни своим домом, ни своей наружностью: он носил несколько лет подряд одну и ту же бархатную жилетку, на которой болталась стеклянная пуговица, пестрый шерстяной галстук, повязанный под воротником открытой сорочки, старые широкие панталоны, подаренные ему покойным баронетом, и худые, стоптанные сапоги. Капитан Вальдзингам заметил его, наконец, во время своих утренних прогулок стоящим постоянно в дверях сторожки и стал кланяться ему, на что Жильберт отвечал только каким-то ворчанием, которое должно было отнять у капитана охоту к разговору.

Однако Вальдзингам заинтересовался мало-помалу этим человеком: его угрюмый вид и нелюдимость возбудили в нем желание узнать его прошлое, так что он начал наводить о нем справки.

– Раскаявшийся браконьер, – повторил он задумчиво, когда один из лакеев сообщил ему биографию Жильберта Арнольда, – старая осторожная дичь, ленивец, ханжа, живущий трудами жены, которая слишком добра к нему... Да, я с первого взгляда считал его таким!

С этих пор грубый сторож сделался предметом особенного внимания капитана. Он стал заговаривать с ним, хотя едва мог добиться от него слова и видно было, что Жильберт крайне недоволен его настойчивостью. Капитан расспрашивал его о его прежнем образе жизни, о том, не был ли он счастливее, когда занимался ремеслом браконьера и сидел в тюрьме. Но Жильберт был слишком лицемерен, чтобы отвечать на эти вопросы откровенно, поэтому он уверял, что искренне раскаивается в своем прошлом заблуждении. При этом он приводил множество цитат из религиозно-нравственных брошюрок, которые давал ему читать ректор.

Все это не охладило живого интереса, который почувствовал капитан к экс-браконьеру: он редко подходил к решетке парка, чтобы не поговорить с Жильбертом. Казалось, что глаза сторожа, сверкавшие в темноте из-за косяка двери, имели какое-то особенное, магнетическое влияние на капитана, – вроде того, которое производит взгляд кошки на маленькую птичку.

– Это один из тех людей, при встрече с которыми ночью в глухом месте хорошо иметь с собою здоровую палку и хороший пластырь, – пробормотал капитан однажды, после новой беседы с Жильбертом Арнольдом. – Он делал много предосудительного в молодости и теперь ненавидит себя так же, как ненавидит других за то, что они не похожи на него. Это низкий, лицемерный, подлый трус. Я убежден в этом, а между тем мне приятно видеть его и говорить с ним.

Глава V

Майор Гранвиль Варней и миссис Гранвиль Варней

Аллеи Лисльвуд-Парка покрылись густой листвой. Прошло полгода с тех пор, как Артур Вальдзингам женился на женщине, которую он любил так давно. Они завтракают в библиотеке за маленьким столом, придвинутым к окну с разноцветными стеклами, по милости которых снежно-белая скатерть и кисейный пеньюар миссис Вальдзингам кажутся окрашенными всеми цветами радуги. Вся комната была залита мягким солнечным светом, и голубые глаза сэра Руперта Лисля невольно щурились от него. На столе стояли корзины из севрского фарфора, наполненные сочными виноградными кистями, скрывавшимися под широкими листьями; паплет из голубей, окруженный красивой бордюровкой из белой бумаги; банки с консервами и медом и серебряный чайный прибор превосходной работы. В открытое окно врвался аромат тысяч роз. Шум каскада, падавшего в озеро, жужжание пчел, пение птичек, жалобное мычание проходящих мимо парка коров и мурлыканье ангорской кошки, лежавшей на широком подоконнике, – все это смешивалось в одно, составляя картину домашнего довольства.

– Клерибелль, – сказал капитан, – я не думаю, чтобы в продолжение всего лета был день прекраснее этого. Я хочу взять вас с собою на прогулку. Я возьму и вас, сэр Руперт. Ведь вы пойдете с нами гулять, баронет?

Капитан любил титуловать своего пасынка. Этот титул казался как будто несовместимым с бледным, худым мальчиком, которому он принадлежал и весьма нравился.

– Хотите, баронет, – продолжал капитан, – проехаться к косогорам, а оттуда – до тех хорошеньких деревень на Лондонской дороге, где дети прибегут смотреть на ваш фаэтон, ваших прекрасных лошадей и ливрейных лакеев, – хотите, баронет?

– Да, если вы этого желаете, папа.

– А вам, Клерибелль, угодно ли совершить подобную прогулку?

– Если вы желаете, Артур, – ответила она, очищая персик и не поднимая глаз.

В это время вошел лакей и положил утренние газеты перед капитаном.

– А! Вот «Times» и «Morningpost»! Да хранит небо наши железные дороги, которые доставляют нам лондонские новости в десять часов утра... Вот и «Gazette de Bryghten».

Капитан развернул прежде всего эту газету, так как Лисльвуд-Парк отстоял от Брайтона всего в двадцати милях.

– Лансы, двоюродные братья моего отца, ежегодно проводят этот месяц в Брайтоне, – сказала миссис Вальдзингам. – Посмотрите, Артур, не встретите ли в газете их имя?

– Где же его искать?

– В списке прибывших. Во всех газетах есть такого рода список. Они останавливаются в гостинице «Корабль».

– Хорошо, посмотрим.

Неужели августовское солнце так сильно подействовало на капитана, что он вдруг потерял способность продолжать чтение и зашатался, когда поднялся, чтобы опереться об окно? Неужели летний ветерок вырвал газету из рук капитана или эти сильные руки задрожали, как лист перед осенней бурей? Что это означало?... Что случилось с Вальдзингамом?

– Артур! Вам нездоровится?... Вы страшно побледнели! – вскрикнула Клерибелль.

Капитан смял газету и, откидывая со лба волосы, проговорил самым естественным тоном:

– Вы спрашивали о Лансах? Их имя не упоминается здесь.

– Но что же заставило вас вскочить так внезапно, Артур?

– О, ничего!.. Мне просто сделалось дурно. У меня закружилась голова от жары.

– Как вы меня испугали, капитан Вальдзингам! Я подумала, что вы потеряли рассудок!

– Дорогая Клерибелль, я и сам готов думать это по временам.

– Так дайте мне газету. Может быть, я найду в ней что-нибудь о Лансах.

Он подал ей газету и уселся снова в кресло и начал рассматривать арабески обоев.

Клерибелль внимательно просмотрела список новоприбывших в Брайтон.

– Нет, – сказала она. – Они еще не прибыли. В гостинице «Корабль» остановился только какой-то майор Гранвиль с женой. Это очень хорошенькое имя, не так ли, Артур?

– Какое? – спросил он рассеянно, не оборачиваясь к жене.

– Гранвиль Варней.

– О да! Не правда ли, что это миленькое имя?... Майор служил в индийской армии.

– Вы знаете его?

– Очень хорошо, он служил в одном полку со мной... Я прикажу заложить лошадей. Наденьте вашу шляпку, Клерибелль. Я повезу вас в Меркем-Вуд. Во время прогулки я сделаю вам одно предложение.

– Предложение?

– Да... Или, вернее выразиться: я хочу испросить у вас одну милость... Идите же и наденьте вашу шляпку, как доброе и послушное дитя, которым вы всегда были. А вы, Руперт, ступайте за вашей фуражкой, я же пойду в конюшню.

Он вышел из библиотеки самоуверенной походкой кавалерийского офицера, но в передней он потребовал стакан воды и выпил его залпом. Слуга, подавший ему воду, был просто поражен его расстроенным видом.

– Не подать ли вам немного водки, сэр? – спросил он с беспокойством.

– Да, Ричард. Я пойду за буфет, и вы мне подадите там рюмочку вина.

Сидя перед столом, уставленным всевозможной серебряной и хрустальной посудой, капитан Вальдзингам упал в обморок, беспомощно откинув свою бледную голову на плечо эконома. Употребили все силы, чтобы разжать ему рот и влить несколько капель французской водки, и уже пошли было за миссис Вальдзингам, когда капитан открыл глаза и проговорил:

– Ради бога, не говорите ни слова вашей госпоже о том, что случилось со мной!.. У меня часто бывали подобные припадки в Индии. Мы, военные, ведем чрезвычайно беспокойную жизнь, вследствие чего делаемся слабыми и нервными, как капризные женщины.

Он вышел из буфетной, не дожидаясь ответа, и, вернувшись в библиотеку, поднял газету с пола.

– Майор Гранвиль Варней и миссис Гранвиль Варней, – пробормотал он, – находятся отсюда всего в двадцати милях. Они услышат обо мне – и приедут сюда дразнить меня, унижать, свести меня с ума и сгубить окончательно... Они напомнят мне про адский договор, заключенный со мной, будут требовать исполнения этого договора... Безумный я, безумный!.. Я должен был предвидеть, что мне не убежать от ужасного прошлого. Я имею много общего с тем старым браконьером, который вечно прячется, но все не в состоянии скрыться от глаз людей, – говорил капитан, расхаживая порывисто по комнате. – Какое клеймо на нас обоих! – продолжал он, смеясь. – И как нас легко узнать!.. Да, этот человек служит мне вместо зеркала!.. Я похож на него: курю по целым дням, шатаюсь и скрываюсь... Однако не могу ли я сбить их с дороги посредством какой-нибудь искусной комбинации?... Клянусь небом, это возможно, если оно захочет содействовать мне в этом!

Он еще не успел произнести этих слов, как вошла Клерибелль, ведя за руку сына. Лицо ее улыбалось под соломенной шляпкой. На плечах была прозрачная накидка с кружевной отделкой.

– Клерибелль, – начал капитан, когда они уселись в фаэтон, на запятках которого стояли два грума, – вы сегодня так очаровательны, что я не могу считать вас способной отказать мне в милости, которой я хочу просить у вас.

– Ну, так высказывайте же вашу просьбу, Артур, – ответила она весело.

– Мне бы хотелось провести с вами эту осень за границей, – сказал он, смотря на нее с беспокойством.

– За границей?... Хорошо!.. В Париже?

– Дальше Парижа.

– Дальше Парижа?!.. В Италии?... В Германии?

– Нет, ни в одной из этих стран... Я хочу заставить вас предпринять настоящее художественное путешествие, Клерибелль, хотя я и не артист... Я хочу увести вас в пустыню, довести до Геркулесовых столбов. Согласны вы на это?

– Но туда же не ездит, как кажется, никто, – заметила она.

– А зачем женам ехать туда, где все бывает, Клерибелль? Нам нет необходимости отправиться в Баден, чтобы видеть лондонских лавочников, разоряющихся за рулеткой, или в Неаполь, или Флоренцию, чтобы слушать болтовню туристов с «путеводителем Муррая» в руках. Нет, Клерибелль, я хочу похитить вас у общества... Хотите ли следовать за мной?... Если вы любили меня когда-нибудь, то скажите «да», – добавил он с какой-то ненормальной энергией. – Скажите же «да», моя возлюбленная, и дайте мне возможность бежать с вами из этой проклятой страны!

Мы уже говорили, что Клерибелль как будто боялась капитана, и потому она ответила согласием на это предложение, как исполнила его просьбу – поехать к косогору, без всякого протеста.

– Да, Артур, – произнесла она. – Я отправляюсь с вами... А все же мне кажется, что вы слегка помешаны.

– Я уже говорил вам, что в этом нечего сомневаться. Но вы кроткое, доброе, прелестное создание и сделали меня счастливейшим из смертных. Закурите мне сигару, и вы увидите, как ловко я обогну этот угол дороги, чтобы въехать в чащу леса.

Богатая вдова баронета была самой покорной женой бедному офицеру: она позволяла ему курить в своей парадной гостиной, сама закуривала ему сигары во время дороги. Если бы она была в состоянии любить еще кого-нибудь, кроме своего сына, то она полюбила бы от души этого красивого, увлекающегося, безумного офицера, который некогда ухаживал за ней так смело, но она боялась его припадков меланхолии и иногда подолгу изучала изменяющееся выражение его мрачного лица, когда он сидел погруженный в размышления и теребя усы.

На этот раз капитан был в хорошем расположении духа. Въехал в лес, все вышли из экипажа, и один из грумов понес корзину, наполненную цыплятами, абрикосами и двумя бутылками рейнского вина.

Клерибелль и Руперт были в восхищении от этого маленького пикника. Капитан сам расставлял все на скатерти, разостланной по густой траве под старым деревом. Затем он уселся верхом на одном из толстых, узловатых корней и, куря сигару, с улыбкой на губах любовался женой и мальчиком.

– Как вы прелестны, моя Клерибелль! – сказал он. – Сэр Руперт, украсьте волосы вашей матери дубовыми листьями. Нет, нет, не так! Сделайте гирлянду, баронет... Моя белокурая возлюбленная, вас можно принять за доброго гения этой местности!.. Какой же я счастливец, Клерибелль, обладая женой с волосами, напоминающими цветом янтарь моих трубок, и согласную ехать со мной на поиски Геркулесовых столбов!.. Вы купили меня, миссис Вальдзингам, точно так, как вас купил сэр Режинальд Лисль. Это своего рода закон возмездия, как выражаются наши соседи. Вы платите за мое платье, мои сигары, за вино, которое я пью, платите и лакею, услугами которого я пользуюсь... На вас же будут лежать расходы путешествия, которое я предпринимаю, чтобы избегнуть своих воображаемых демонов.

Был уже седьмой час, когда поехали обратно в замок. Рахиль Арнольд отворила ворота парка, между тем как ее белокурый мальчик, цеплявшийся за складки ее платья, пристально смотрел на другого мальчика, тоже белокурого, который сидел на фаэтоне между мистером

и миссис Вальдзингам. Жильберт стоял, облокотившись на решетку своего садика, и курил свою грязную глиняную трубку. Он едва пошевелился, чтобы снять свою изорванную шапку, когда экипаж проехал мимо. Он был, по обыкновению, непричесан, небрит, неопрятен и мигал усиленно кошачьими глазами. Тень его ложилась прямо под копыта лошадей, бежавших крупной рысью.

Капитан с женой обсуждали проект путешествия весь вечер. Решено было ехать как можно скорее, так как нетерпению капитана не было границ. Он готов был ехать хоть сейчас же. Они брали с собой сэра Руперта и двоих слуг. Чтобы не терять лишнего времени, хотели ехать в Лондон на курьерском поезде. Нужно было покинуть Англию немедленно, а закупить все необходимое к дороге предполагалось во Франции, через которую им приходилось ехать.

– Каким красивым кажется мне сегодня наш дом, Артур! – сказала миссис Вальдзингам, когда муж высадил ее из фаэтона и они вошли в переднюю, уставленную экзотическими цветами. – Я бы желала, чтобы вы свыклись с английской жизнью.

– Я этого и хотел, Клерибелль... Да, дом очень хорош. И меня можно считать за второго Каина, если я способен бежать из этого рая.

Они еще не вышли из передней, когда лакей подал им серебряный поднос, на котором лежали две визитные карточки: мужская и женская.

– Что это? – спросил капитан рассеянно. – Положите их в корзинку для визитных карточек, миссис Вальдзингам.

– Но эти господа здесь, капитан. Они желали дождаться вашего возвращения и теперь рассматривают картины в столовой.

– Картины!

Капитан снял шляпу и вытер лоб носовым платком.

– Что это за люди, Клерибелль? – спросил он жену, которая рассматривала карточки.

– Это поистине странное совпадение, Артур! Это те самые, имена которых мы прочитали в списке новоприбывших в Брайтон, – ваши индийские друзья: майор Варней с женой.

В это мгновение дверь столовой отворилась, и из нее показалось смеющееся лицо.

– А вот он и есть, милый наш товарищ! – воскликнул этот человек веселым тоном. – Наконец-то я опять нашел вас, старую лисицу!.. Видите, Артур, я отыскал вас!.. Что, старый друг?... Что, старая, хитрая лисица?!.. Что, дорогой товарищ, что?

При этих словах майор Гранвиль разразился самым веселым неудержимым хохотом. Он кинулся к своему «дорогому товарищу», к «старой лисице» и несколько раз крепко пожал ему обе руки. Нельзя было сомневаться, что это свидание доставляло ему величайшую радость. В порыве этой радости он как безумный повторял все одни и те же фразы. Это был высокий и сильный мужчина со свежим, румяным лицом. Голубые глаза его, которые то закрывались, то снова открывались, имели почти ослепительный блеск. У него были чрезвычайно белые и блестящие зубы, розовые губы и прекрасный цвет лица; каштанового цвета усы и густые волосы, обрамлявшие его лоб, были с золотым оттенком. Общее впечатление, производимое его лицом, было, если можно так выразиться, ослепительное: на него нельзя было долго смотреть, как и на солнце. Он был в широком, домашнем костюме, который шел ему, на нем было пальто с бархатными отворотами, жилет лимонного цвета; галстук был повязан как можно небрежнее, на часовой цепочке красовалось множество брелоков, а руки были покрыты перстнями. Он сверкал и блистал с головы до ног, и казалось, что он распространяет вокруг себя какое-то сияние.

«Старая лисица», бледная и угрюмая, оказала ему очень холодный прием и представила его миссис Вальдзингам. Майор был в восхищении.

– А я и не слышал, что этот старый повеса женился, – сказал он. – Верите ли, сударыня: этот дорогой Артур скрыл это радостное событие от своих калькуттских друзей! От друзей, которые любят его так искренне и имеют тысячу причин рассчитывать на его взаимность. Я узнал о его браке только случайно – сегодня утром, в брайтонской гостинице «Корабль». Рас-

сказать вам, Артур, как это случилось? Миссис Варней вздумалось прокатиться, я начал было уверять ее, что в окрестностях Брайтона нет ничего такого достопримечательного, чего бы мы уже не видели; но миссис Варней настояла-таки на своем, и я спросил слугу гостиницы, есть ли поблизости какой-нибудь замок, который стоило бы осмотреть. Слуга назвал Лисльвуд-Парк. «Хорошо. Что это за Лисльвуд-Парк?» – «Резиденция сэра Руперта Лисля». – «Хорошо. Мы отправимся взглянуть на сэра Руперта Лисля...» Нам и в голову не приходило, что сэр Руперт Лисль был еще очень молодым джентльменом, бегающим в бархатной курточке. Прекрасно, явившись сюда, мы просим показать нам замок, нам отвечают, что его не показывают никому. «Что? Никому?» – воскликнули мы печально. «Никому! – повторяют ваши слуги. – Капитан Вальдзингам имеет на это особые причины...» Капитан Вальдзингам!.. Представьте себе мое удивление, когда я услышал это имя, дорогой друг! Ведь во время вашего пребывания в Калькутте вы и не думали быть владельцем Лисльвуд-Парка, как помнится. Представьте себе мою радость, мое счастье при известии о счастье моего друга!.. Ну, дай еще раз руку, старая лисица!

– Не разыгрывайте роль сумасшедшего, майор, – ответил сухо капитан на эти излияния.

– И он даже не осведомляется о бедной Аде, которая зевает перед картиной Рубенса – собственностью сэра Руперта Лисля, которая висит над камином той комнаты, – продолжал майор, указывая на дверь гостиной. – Нужно вам заметить, что эта картина (будь сказано между нами и вопреки моему уважению к баронету, который еще слишком молод, чтобы быть хорошим знатоком) – ни более ни менее как копия!.. Да, Артур, да, дорогой друг, это – просто копия. И мне кажется, что я знаю писавшего ее, внука жида, антверпенского жида, миссис Вальдзингам, жида, но – гения. Рубенсовский колорит наследственен в этом семействе, и каждый торговец картинами может тотчас же указать вам работу одного из его членов.

Капитан грустно опустил глаза на свои запыленные сапоги, между тем как майор осматривался с лучезарной улыбкой, как будто ожидал услышать что-либо очень приятное.

– Артур, – заговорил снова мистер Гранвиль, разглаживая усы своей красивой, сверкающей драгоценными камнями рукой. – Вы принимаете меня как какого-нибудь швейцара... И неужели вы не спросите меня об Аде?

– Ах да! – ответил капитан. – Как здоровье миссис Варней?

– Миссис Варней! – повторил майор тоном глубочайшего упрека. – Дорогая миссис Вальдзингам, верите ли, что в продолжение двух лет эти милые дети постоянно называли друг друга Артуром и Адой?... Но пойдемте же, гадкий капитан, пойдем взглянуть на вашего старого друга... Миссис Вальдзингам, моя жена будет очарована вами, а вы будете очарованы моей женой. Вы обе молоды, обе прекрасны в высшей степени, – добавил он с поклоном. – Одна из вас такая живая, другая – тихая и спокойная... Ада! – позвал он, возвысив голос.

– Что, дорогой?

Эти два слова были произнесены таким чудным голосом, который проникал прямо в душу и затрагивал в ней самые глубины.

Вскоре и его обладательница явилась в дверях. Клерибелль она показалась ослепительно красивой. Но не столь простодушный наблюдатель заметил бы что-то хищное в классически отточенных чертах ее лица.

– Однако, Артур, извольте-ка представить друг другу наших дам, – смеясь, произнес майор.

Смуглое лицо капитана омрачилось больше обыкновенного.

– Это едва ли необходимо, – ответил он. – Мы с женой отправимся завтра на материк... Пойдемте, Клерибелль, пойдемте, баронет.

Он взял мальчика за руку и направился к библиотеке, повернувшись решительно спиной к майору и его прекрасной жене. Миссис Вальдзингам смотрела на него с недоумением. Она часто видела его резким и странным, но ни разу еще не видела таким невежливым и грубым. Майор между тем ничуть не смутился: он тихо засмеялся про себя и, прежде чем капитан

Вальдзингам успел выйти из передней, запел своим прекрасным тенором первый куплет одной из арий Мора:

– «Не уходи, настал твой час!»

Артур Вальдзингам внезапно остановился, будто увидел перед собой дуло пистолета.

– Опомнитесь лучше, дорогой товарищ, – проговорил майор, закончив куплет великолепнейшей руладой. – Опомнитесь, мой друг, и познакомьте миссис Вальдзингам с миссис Варней. Познакомьте их, Артур, и измените ваше намерение отправиться на континент. По моему мнению, это самое благоразумное, что вы можете сделать.

Капитан отрекомендовал друг другу обеих женщин. Клерибелль, очевидно, почувствовала живейшую симпатию к прекрасной гостье.

– Не пригласите ли вы своих друзей к обеду, Артур? – спросила она мужа на ухо.

Он не дал ей на это ответа, а только сказал:

– Проводите миссис Варней в гостиную, Клерибелль. А вы, майор, пойдете на террасу, выкурить сигару.

– Хоть дюжину сигар, мой дорогой, потому что мне нужно сказать вам весьма многое.

Мужчины пробыли на террасе до тех пор, пока колокол не позвал их к обеду. Дамы, сидевшие у одного из окон гостиной, заметили, что они вели очень оживленную беседу. Майор говорил с воодушевлением и сопровождал свои слова сильной жестикуляцией, между тем как капитан ходил взад и вперед, повесив голову и заложив руки в карманы. Замечательно, что чем более майор оживлялся, чем больше размахивал руками и смеялся, тем с большим ожесточением курил его собеседник и делался все угрюмее и угрюмее. Казалось, что он испепелит всю сигару в несколько приемов. Когда колокол замолк, капитан Вальдзингам вошел в гостиную в сопровождении своего друга.

– Клерибелль, – сказал он. – Майор уговорил меня отложить наше путешествие до тех пор, пока он с женой не будет в состоянии присоединиться к нам. Вместе с тем он обещал сделать нам удовольствие, проведя с нами неделю или две.

– Этот милый Артур так настойчиво предлагал мне гостеприимство, Ада, что я волею-неволей, не зная, насколько это согласуется с вашими желаниями и также с желаниями и миссис Вальдзингам, – которая, вероятно, находит эти индийские знакомства крайне неприятными, – решил остаться здесь на несколько дней... Но я приехал сюда в своем экипаже – это вам не помешает, Артур?

– Нет. В конюшнях есть свободное место. Вы имеете с собой, конечно, и кучера?

– Да, прекрасного малого. Он будет настоящим кладом для ваших людей.

– Майор и миссис Варней займут голубые комнаты. Клерибелль, потрудитесь отдать приказание Персону.

– Хорошо, Артур. Я сделаю это немедленно. Я очень счастлива, что вы согласились остаться с нами, – добавила миссис Вальдзингам, обращаясь к Аде Варней.

– Вы уже полюбили ее? – сказал майор. – Я предвидел это – она любима всем светом.

Когда они выходили из гостиной, майор остановился в дверях и, окинув быстрым взглядом комнату, из окон которой видны были обширные сады, леса и озера, проговорил:

– Так это-то и есть Лисльвуд-Парк!.. Артур Вальдзингам, вы лисица более хитрая, чем ваш ментор!..

Глава VI

Опутан

За столом майор Гранвиль Варней был еще любезнее, веселее и разговорчивее. Он сидел рядом с Клерибелль Вальдзингам, и спокойная, терпеливая владелица Лисльвуд-Парка слушала с величайшим вниманием несмолкаемую болтовню белокурого офицера. Он рассказывал ей сотни анекдотов из индийской жизни – анекдотов таких живых, остроумных и увлекательных, таких же блестящих и лучезарных, как наружность самого собеседника.

Подобно всем тихим и не особенно глубокомысленным людям, Клерибелль легко увлекалась веселостью других. Она слушала с удовольствием и удивлялась всему, что ей говорил этот веселый военный, который рассказывал в одно и то же время о страшной битве, происшедшей в Пенджабе, и о комичной сцене, разыгравшейся во время одного обеда в Калькутте. Она вздыхала и смотрела то на очаровательного майора, то на молчаливого капитана, повесившего голову и бессознательно рассматривавшего вырезанный на вилке вензель Лисля.

«О, если б Артур был одарен таким веселым характером!» – думала Клерибелль.

Миссис Варней разговаривала мало. Вероятно, она слышала истории майора уже не раз. Капитан и не старался вступать в беседу со своей прекрасной соседкой, а откинулся с рассеянным и смущенным видом на спинку кресла, оставляя даже нетронутым свой стакан с вином.

После обеда, когда дамы сидели в гостиной и майор занимал миссис Вальдзингам топографическим описанием Сите-де-Пале», капитан вышел из открытого окна на террасу, спустился в парк и пошел по большой аллее, ведущей к решетке. Солнце садилось за тучами, и последние багровые лучи его медленно исчезали за деревьями. Было душно, и в воздухе царствовала полнейшая тишина, которая всегда предшествует грозе. Крупные капли дождя начали тяжело падать на листья дубов и на непокрытую голову капитана, который шел опустив глаза в землю, не замечая, что происходит вокруг него.

– Здесь находишься в таком же уединении, как в лесу, – пробормотал он наконец, оглянувшись и увидев себя в самой чаще парка.

Пройдя еще немного, он дошел до большой группы буков, толстые ветви которых сплетались над ним непроницаемой сетью. По временам он смотрел на освещенные окна замка, которые отражались на спокойной поверхности озера. Обернувшись же в настоящую минуту, он заметил, что вид замка скрыт от него великолепными столетними деревьями.

– Я теперь на полдороге между замком и решеткой, – сказал он. – Сюда может зайти только браконьер или человек, желающий лишить себя жизни.

Он сел на нижний толстый сук дерева и вынул из кармана что-то, завернутое в батистовый платок. Было уже слишком темно, чтобы осмотреть этот предмет, и он тщательно ощупывал его рукой, причем послышался металлический звук. Вслед за этим над плечом капитана промелькнуло что-то белое, и занимавший его предмет был выхвачен из его рук. Он вскочил, обернулся и схватил за горло стоявшего позади Гранвиля Варнея.

– Отдайте мне его! – проговорил он с бешенством.

– Ни за что, – ответил хладнокровно майор. – Есть ли у вас другой?

– Вам-то какое дело?

– Упорное дитя! Я спрашиваю просто, есть ли при вас другой запасной пистолет? – сказал майор мягко.

– Нет, тысячу раз нет!

– Это великолепно, мой бесценный Артур!.. Теперь сядем на сук – он заменит козетку – и станем говорить без всяких глупых выходов.

Капитан сел напротив майора, не говоря ни слова.

– Но мы прежде всего вынем заряд из этой опасной игрушки, – продолжал майор, кладя пулю в карман и высыпая порох. – Затем закурим по сигаретке и потом уже поговорим о делах.

Он подал Артуру Вальдзингаму портсигар и спичечницу. Свет спичек озарил обоих собеседников: лицо капитана было бледнее смерти, майор, наоборот, был спокоен и весел.

– Ну-с, – начал он протяжно, – что же это означает?

– Что вы подразумеваете? – проворчал капитан.

– Понятно – пистолет-то... Сумасшедший... Ребенок! Неужели вы думали, что я не угадал ваше намерение? Вы думали, что я не замечаю ничего и не читал на вашем лице во время обеда? Я даже слышал, как стукнул ваш пистолет о кресло, когда вы встали, чтобы отворить дамам дверь. Когда вы вышли из гостиной, я понял, что вы хотите делать, – и через пять минут последовал за вами...

Майор положил пистолет в карман, громко рассмеялся и выпустил несколько клубов дыма. Капитан Вальдзингам сидел грустный и унылый, прислонившись к стволу дерева и едва затягиваясь сигарою.

– Посмотрим, Артур, сделал ли я что-нибудь особенно дурное... Я бы мог начать эту беседу упреками в вашей неблагодарности, но я ненавижу упреки и оставляю их в стороне, а займусь вашей глупостью: Артур, вы делаете себя посмешищем!

Капитан молчал, и майор продолжал после короткой паузы:

– Вы дурак, Артур, если даже не спрашиваете, почему я назвал вас посмешищем. Но это не беда – я ставлю вопрос, чтобы ответить на него самому. Я ставлю себя на ваше место, Артур Вальдзингам, и спрашиваю себя: чем же я, Артур, оказался смешным?... Сперва вы, милый друг, сделали ужасную, но весьма часто встречающуюся на свете ошибку, – подумав, что можно пользоваться услугами человека, превосходящего вас умом, бросив его, когда не будете больше нуждаться в его помощи.

Снова один шум дождя был ответом майору Гранвилю Варнею.

– Несколько лет тому назад, Артур, вы находились в таком затруднении, из которого вы едва ли выпутались бы без содействия преданного друга.

– Это верно, – произнес наконец капитан.

– Милый друг, если вы только перестанете дуться, то мы снова сделаемся прежними приятелями... Итак, друг помог вам выйти из очень плачевного положения; вследствие этого между ним и вами установились, разумеется, самые искренние отношения. В Калькутте нас даже прозвали Дамоном и Пифиасом... Нас связывало нечто более дружбы. То был таинственный, священный союз, который мог быть разорван только нашей смертью. Не правду ли я говорю, Артур?

– Если вы хотите этим сказать, что мы были полезны один другому, то я отвечу «да», – произнес капитан.

– Но теперь вы не скажете этого, равнодушный Артур!.. Ну, хорошо. Мы были полезны друг другу, в высшей степени полезны, и мы могли бы провести таким образом много счастливых лет. И вот в одно прекрасное утро капитан Артур Вальдзингам покидает службу в индийской армии так же спокойно, как покидает какой-нибудь кафе-ресторан, – вместо того, чтобы посоветоваться со своим другом, который уговорил бы его спокойно подождать, пока кто-либо из офицеров не согласится купить его капитанский патент.

– Быть может, вы желали, чтобы он спокойно ждал, чтобы ему дали отставку, не так ли, майор? – спросил капитан насмешливо.

– Артур, вы сумасшедший!.. Итак, вместо того чтобы испросить совета более опытного человека, бедный мальчик оставляет службу и спешит в Англию, забыв о всех оказанных ему услугах, неблагодарный, скрытный!.. Вот и все, что мог узнать о нем друг его, вернувшись из экскурсии в горы, когда тот уже уехал.

– Да... Вы лишились своего орудия, майор.

– Я лишился своего орудия, Артур? Как это вы можете выражаться так неделикатно? – проговорил майор с притворным негодованием. – Нет, я лишился своего друга, своего ученика, своего товарища, своего Дамона!.. Я поручил одному знакомому навести о вас справки в Англии. Вас видели высадившимся в Довере, но с тех пор не встречали вас больше. Словом, мне не оставалось ничего больше, как сидеть у моря и ждать погоды. «Хитрая лисица выскользнула из моих рук, – сказал я себе. – Самое лучшее теперь – ожидать своей очереди, и не будь я Гранвиль Варней, если я не поймаю ее снова!»

С этими словами он тихо положил свои женственные руки на плечо капитана. Как ни легко было это прикосновение, но Артур Вальдзингам согнулся под ним, как согнулся бы под тяжестью сотни пудов.

– «Я снова поймаю ее», говорил я себе, – продолжал майор. – «Пусть скрывается себе – где и как хочет, а я все же поймаю ее!..» Ну, я и сделал, как сказал.

Он разразился торжествующим смехом, тихо потирая себе руки, и, не смотря в темноту, устремил на капитана свои сверкающие голубые глаза.

– Я получил отпуск и уехал из Индии, – продолжал он скороговоркой и оживляясь все больше и больше. – Я обегал все игорные дома в Лондоне, рыскал по всем тавернам. Я справлялся повсюду и у всех без разбора – и наконец-то после многих поисков, тысячи неудач и неприятностей я узнаю сегодня утром в Брайтоне, в гостинице «Корабль», что некий капитан Вальдзингам женился на богатой вдове сэра Режинальда Лисля, баронета, и проживает в Лисльвуд-Парке.

– Значит, я обязан вашему посещению не случаю? – спросил капитан.

– Разумеется, дорогой Артур, неужели вы воображаете, что я был бы таким человеком, каким вы меня видите, если бы я предоставил себя только на волю судьбы? Нет, я хорошо знал, куда и зачем я иду, – пусть это будет вам известно. Я явился сюда, чтобы настоять на исполнении всех статей нашего договора, чтобы ввиду заключенного нами раньше условия заставить вас поделиться барышами и чтобы заявить свои долголетние права. Какова бы ни была цифра богатства вашей жены, которое может принадлежать вам, я требую половину этой суммы. Сколько бы вы ни отняли владений и власти у вашего пасынка – половина и того и другого должна быть моей. Я хочу, чтобы вы поделились со мной и вашим комфортом, вашей роскошью, вашим блеском... Теперь, дорогой Артур, вернемся в замок... Идите же, Артур Вальдзингам и компания! Помните, что ваш старый союзник идет за вами, так как ему нравится оставаться в тени.

Когда собеседники удалились, кто-то осторожно раздвинул ветви возле того дерева, где они только что сидели, и направился тихо к решетке парка.

Бледный и трепещущий Артур Вальдзингам прошел аллею, затем миновал мост и цветники. Он шел и смотрел как приговоренный к смерти, которого уже возводят на эшафот, между тем как блестящий майор, слегка опиравшийся на его плечо, походил на палача. Даже в грациозной позе его руки было что-то, напоминающее полицейского чиновника, схватывающего свою жертву, – нечто, говорившее яснее слов майора:

«Ты пойман, Артур Вальдзингам, пойман!»

Глава VII

Подпольная работа

Майор Гранвиль Варней поместился в Лисльвуд-Парке совершенно беспрепятственно. Он послал в Брайтон за своим багажом, который и был привезен его камердинером – жидом Соломоном. Существовали в Калькутте злые языки, которые утверждали, что этот черноглазый жид не всегда был слугой майора, а режиссировал прежде в каком-то провинциальном театре, на подмостках которого прекрасная сестра его играла первые роли в английских драмах. Эти злые язычки увлекались иногда до того, что уверяли, будто эта самая сестра Соломона была ныне не кто иная, как очаровательная миссис Варней, в которую майор во время своего отпуска в Англию влюбился до безумия, увидев ее играющей на сцене ее брата, и женился на ней без всяких проволочек. Как бы то ни было, но нельзя не сознаться, что миссис Варней была женщина в высшей степени изящная, красивая, увлекательная. Она обладала великолепнейшим контраalto и замечательным музыкальным дарованием, которое так превосходило обыкновенные таланты, что она заслуживала названия гения. Если толстый камердинер-жид был ее братом, то нельзя сказать, чтобы она выказывала особенную нежность к этому родственнику: она проходила мимо него с гордо опущенными глазами, как будто он был даже недостойн, чтобы она замечала его присутствие.

После двух-трех дней пребывания майора в замке угрюмость и задумчивость Вальдзингама начали постепенно исчезать. Большую часть дня они проводили за билльярдом, а половину ночи – за экарте. Дамы иногда приходили в билльярдную, чтобы следить за их игрой. Майор смеялся и болтал, выделявая различные эволюции кием, и рассыпался в комплиментах присутствующим дамам, пока шары катились по зеленому сукну. Артур же Вальдзингам, напротив того, играл с каким-то лихорадочным вниманием. Он как будто никогда не уставал и не скучал за билльярдом и оставлял его с сожалением. Во время игры в экарте капитан постоянно настаивал на ее продолжении и удерживал своего друга за маленьким столом еще долго после ухода дам. Кто бы увидел этих двоих мужчин, наклонившихся над картами, тот бы сказал, что майор играл только из прихоти или из снисхождения к другу, между тем как у капитана игра была глубоко укоренившейся страстью.

Пока все это происходило в замке, Жильберт Арнольд, сторож, курил, по обыкновению, свою трубку за дверью и взглядом ненависти и зависти смотрел на гостей замка и на их людей.

– Итак, у капитана «неизвестно какого», который явился «неизвестно откуда», гостит один из его друзей? – сказал он однажды жене, несколько дней спустя по приезде майора. – Он, вероятно, думает, что мой сын ляжет на землю, чтобы доставить ему удовольствие пройти по нему. Эти господа всегда ждут подобного. Но мы не сделаем этого, не правда ли, Джим? – добавил он, обращаясь к сыну, который качался на калитке садика.

– Чего мы не сделаем, отец?

– Мы не ляжем на землю, чтобы богачи топтали нас своими блестящими сапогами, ведь так, Джим?

– Нет, отец, по доброй воле мы не сделаем этого, – ответил мальчик, взглянув лукаво на нахмуренное лицо отца.

Жильберт расхохотался:

– Ты весь в меня, мой сын, – настоящая поросль старого дуба... К черту унижения твоей матери при малейшем знаке благоволения наших господ и признательности к ним, если они бросают нам крошки со своего стола!

– Отец! – воскликнул мальчик. – Вот капитан, барин с усами и сэр Руперт! Они идут к решетке.

– А! Быть может, ты получишь монету в шесть пенсов, если подойдешь к ним. Бери их деньги, но не принимай унижений, Джим. Это тебе мой совет.

Мальчик кивнул головой и, спрыгнув с калитки, побежал в аллею.

– Артур, – сказал майор, приближаясь к решетке. – Известно ли вам что-нибудь относительно старого браконьера, который служит у вас?

– Ничего, кроме того, что он в свое время был страшным негодяем, теперь он прилежно читает книги душеполезного содержания, которые дает ему господин Мэйсом, и бывает каждое воскресенье в церкви.

– Хорошо! – сказал майор. – Он был прежде отъявленным плутом, а теперь стал ханжить и лицемерить... Вот, Артур, человек, которого мне необходимо изучить. Изучить только – вы понимаете? Можете вы дать мне несколько сведений о его прошлом?

– Я думаю, что он провел год или два вне Суссекса и сидел в остроге, в Гемпшире, вследствие каких-то недоразумений с нашими лесничими. По своему возвращению он женился на Рахили Дэвсон, дочери сторожа, а с тех пор только и делает, что бродит вокруг своего дома, вот как вы сейчас видите.

– Да, вот и он! – проговорил майор весело. – Глаза у него зеленовато-желтые, настоящие кошачьи глаза, которые меняют свои цвета на солнце. Походка тоже кошачья – тихая, крадущаяся. Он, верно, отличается и кошачьей хитростью. Артур Вальдзингам, я изучу этого человека!

В это время разговаривающие подошли к решетке.

– Здравствуй, Арнольд! – сказал капитан.

Арнольд нехотя кивнул головой и так же нехотя снял свою засаленную фуражку. Маленький баронет, одетый в бархатный камзол, смотрел на Джима, одетого в плисовые панталоны, холостинковую блузу и толстые башмаки с гвоздями.

– Черт возьми! – воскликнул майор. – Эти дети кажутся ровесниками.

– Мой мальчик на один год моложе сэра Руперта, – проворчал Жильберт Арнольд.

– Годом моложе! Молодец же он для своих лет, мой друг! Они, должно быть, одинакового роста. Посмотрим... Баронет, сойдите с вашего пони и покажите, кто из вас больше: вы или маленький Арнольд.

Баронет спрыгнул на землю, и майор поставил мальчиков спиной к спине. Сэр Руперт снял свою шляпу, причем оказалось, что его голова на одном уровне с головой Джима.

– Нет ни малейшей разницы между ними, – сказал майор Варней. – Волосы их тоже совершенно одинакового цвета.

Майор говорил правду: длинные кудри баронета и коротко остриженные волосы Джеймса имели один и тот же оттенок. Оба мальчика были с голубыми глазами, бледными лицами и тонкими чертами.

– Если бы мой приятель Арнольд одевал бы своего сына, как одевают сэра Руперта, то этих детей можно было бы назвать близнецами, – заметил майор. – Баронет, позвольте мальчику сесть на минуту на вашего пони. Нам хочется посмотреть, как он будет держать себя.

Майор посадил мальчика на пони, но Джеймс Арнольд наследовал только завистливый характер отца, но не его отвагу. Когда майор погнал пони, мальчик побледнел и закричал.

– Что?! – сказал майор, снимая его с седла. – Да он дрожит всем телом... Неужели он робок?

– Да, он немного труслив, – ответил отец.

– Труслив! – повторил майор. – Труслив! Этого никак нельзя было ожидать! Сэр Руперт нежен, как молодая девушка, но держит себя на пони не хуже взрослого и столько же боится перескочить через плетень, как и я. Не так ли, баронет? – обратился он к сэру Руперту, который снова сел в седло.

– Да, майор, Джеймс Арнольд трус, он кричит, когда дотронешься до него. Я не люблю трусливых!

– Тише, баронет! Джентльмену не следует так говорить: смелость и робость зависят от физических причин. Этот мальчик не может противиться боязни, – продолжал майор, положив руку на голову Джеймса. – Он очень нервный, и человек с сильной волей может сделать из него все, что только захочет. Я уверен, что мог бы заставить его следовать за мной, как собаку, и угадывать мои сокровенные мысли... Берегите вашего сына, Арнольд, иначе он на днях еще доставит вам хлопот.

– Благодарю, сударь, – ответил сторож угрюмо. – Я ничего не опасаюсь.

– А, понимаю! Вы не любите, чтобы вмешивались в ваши дела. Ничего, мой милый, мы научимся со временем понимать друг друга как нельзя лучше, – произнес майор, потирая руки и поглядывая с лукавой усмешкой на сердитого сторожа.

Жильберт Арнольд начал усиленно мигать под этим пристальным и сверкающим взглядом.

– До свидания, мой друг, – добавил майор. – Я еще приду когда-нибудь поболтать с вами... Идем, баронет! Идем, Артур, мой неоцененный! Отправимся в путь.

При последних словах Гранвиля Варнея ворота парка заскрипели на железных петлях и захлопнулись за гуляющими. Жильберт Арнольд покинул свой любимый пост и проводил их пристальным взглядом.

– Будь проклят этот человек! – проговорил он злобно. – Мне хотелось бы знать, кто он такой, если решается обращаться с людьми как с неодушевленными предметами... Черт бы побрал этого дерзкого гордеца!

Вечером майор просидел очень долго за туалетом. Казалось, что он никогда не кончит приглаживать свои волосы и расчесывать усы. Наконец он остановился, держа в руках две гребенки из слоновой кости, и взглянул задумчиво на своего камердинера, который стоял перед ним, держа в руках жилет.

– Соломон, вы ведете слишком спокойную жизнь в этом скучном замке, – заговорил майор. – Надеюсь, что ваш мозг не отупел от этого бездействия.

– Надеюсь, что нет, господин майор. В особенности, если...

– В особенности, если я найду нужным привести его в действие, так, что ли, Соломон?... Я понимаю вас, вы славный малый, Соломон, и я надеюсь, что буду скоро иметь возможность удвоить вам жалованье. Теперь возьмите записную книжку и слушайте меня.

Соломон, все еще держа в руках жилет майора, вынул из кармана книжку, карандаш и приготовился писать. Листки памятной книжки были испещрены различными заметками.

– Живет возле решетки парка, – начал майор, – браконьер, которого зовут Жильбертом Арнольдом. Пишите: Жильберт Арнольд, браконьер.

Соломон написал.

– Он сидел в винчестерском остроге за драку с лесниками, – продолжал Гранвиль. – Запишите: винчестерский острог.

Соломон записал то, что ему было приказано.

– Теперь закройте книгу и выслушайте меня!

Майор положил гребенки и уселся в кресло, а Соломон приготовился внимательно слушать своего господина.

– Этот браконьер сидел в винчестерском остроге за нарушение законов охоты в здешней местности. Он был заключен два раза в ливисском остроге за какие-то другие преступления. Но он совершил такое преступление, за которое никогда не был наказан.

– Из чего вы вывели это заключение, господин майор?

– Из всей наружности этого человека: из его мигающих глаз, которые избегают моего взгляда, из его нерешительной походки и всех его приемов. Каждое утро, вставая с постели, он говорит себе: «Я могу быть арестованным сегодня вечером». Когда он садится к зеркалу, чтобы выбриться, он бросает через несколько минут бритву и думает: «Может быть, я к вечеру

буду щеголять в арестантском платье...» Соломон, этот человек совершенно точно давно уже совершил какое-то преступление и сумел до сих пор хоронить все концы. Он живет в вечном страхе. Быть может, он в настоящее время считает себя в безопасности, но боязнь у него вошла в привычку. О Соломон! Какое счастье иметь чистую совесть и жить вне опасения, что придется в один прекрасный день надеть безобразный арестантский костюм!

Майор громко рассмеялся при этой утешительной мысли.

– Ну, Соломон, вы, должно быть, уже догадываетесь, о чем я хочу просить вас. Вам нужно уйти отсюда завтра утром; я скажу вам, где и как вы можете навести нужные справки. Я рассчитываю на вашу скромность и говорю вам прямо: узнайте тайны прошлой жизни Жильберта Арнольда и сообщите их мне. Теперь дайте жилет.

Майор окончил туалет и отослал камердинера. Отворилась дверь – и на пороге ее показалась миссис Варней, одетая в белое платье, с живыми цветами в волосах.

– Ваш туалет сегодня очарователен, кумир моего сердца! – проговорил нежно майор. – Эти цветы придают вам вид полнейшей непорочности... Скажите, Ада Варней, желали бы вы быть владельницей Лисльвуд-Парка?

– Перестаньте говорить глупости, и пойдете лучше вниз, – ответила молодая женщина. – Я думала, что вы сегодня не окончите своего туалета.

– Ада, необходимые приготовления, чтобы подкопать этот дом, отнимают немало времени. Впрочем, мне кажется, что скоро можно будет заняться устройством мины, не так ли? Но вы не беспокойтесь, моя дорогая: дело ведется систематически. Альфред Соломон получил от меня инструкции. Остается еще сделать многое, но мы все-таки достигнем цели с чистой совестью и не опасаясь ни тюрьмы, ни наказания – как в начале, так и в конце.

Глава VIII

Бишер-Рид

Прошло пять недель со времени приезда майора Гранвиля Варнея с женой в Лисльвуд-Парк, и настал день их отъезда. Они хотели провести еще неделю или две в Брайтоне, прежде чем отправиться в Лондон, где располагали пробыть до истечения срока отпуска майора. Они хотели ехать в своем экипаже, на своих лошадях и со своим кучером, а Соломон должен был занять место на запятках. Майор и миссис Варней стояли на террасе в обществе своих хозяев, пока чемоданы укладывались на верх экипажа под наблюдением опытного Соломона.

– Артур, – сказал майор, – не идет ли большая дорога мимо косогора, который вы называете Бишер-Ридом?

– Да, мимо одного из косогоров, но не Бишер-Ридского, который находится в другой стороне.

– Не пройтить ли нам с вами туда, пока Соломон укладывает багаж? Времени еще хватит... Ада подождет меня на дороге; я увижу приближение экипажа с горы... Мне надо сказать этому милому Артуру несколько слов на прощание.

Майор протиснулся с миссис Вальдзингам, накинул на плечи толстый плед и сказал жене, где ей следует ждать его.

В это мгновение из конюшен выехал на своем чистокровном пони сэр Руперт Лисль.

– Папа, можно мне поехать с вами? – спросил он.

Капитан Вальдзингам заколебался и взглянул вопросительно на своего приятеля.

– Конечно, можете, сэр Руперт, – сказал майор.

Дойдя до сторожа, майор остановился и опустил в руку сторожа золотую монету.

– Здравствуйте и прощайте, мои друзья, – проговорил он. – Послушайтесь моего совета и берегите вашего сына, если не хотите быть поставленным в затруднительное положение на этих же днях.

– Хорошо-с, сэр, – ответил сторож с хитрой улыбкой.

Ворота еще раз с визгом захлопнулись за молодым владельцем Лисльвуд-Парка. Как бы молод он ни был, но если бы он мог предвидеть, что его ожидает за решеткой, то этот резкий звук показался бы ему похоронным звоном его беспечной жизни.

Нужно было идти около часа, чтобы достигнуть по неровной дороге того косогора, на котором капитан Вальдзингам встретил леди Лисль в день своего возвращения из Индии. Взойдя на вершину, мужчины оглянулись. Майор повернулся в сторону сэра Руперта и мигнул капитану.

– Руперт, поезжайте галопом на ту сторону косогора: мне надо поговорить с майором! – произнес Вальдзингам.

Мальчик кивнул головой и, махая хлыстом, поскакал, куда ему указал отчим, так что он оставался на виду, но не мог ничего слышать из разговора друзей.

– В чем дело? – спросил капитан, воткнув свою трость в землю и тяжело опираясь на нее.

Он приготовился, очевидно, к продолжительной беседе.

Майор расстегнул свое широкое пальто и начал играть золотыми брелоками часов. Белые зубы его, усы и бакенбарды так и сияли на солнце.

– В чем дело? – повторил капитан с нетерпением. – Для чего вы притащили меня на косогор? Что вам нужно сказать мне, чего вы не могли сказать мне вчера вечером?

– Вы не догадываетесь? – спросил майор с любезной улыбкой.

– Ну, понятно, что нет.

– Ну да, вы не хотите догадываться, лисица! Вы боитесь принять на себя инициативу в щекотливом вопросе, но я беру ее на себя. Милый друг, мне нужно еще денег.

– О! Вы опять за старое, но я вам повторю только то, что сказал вам еще вчера вечером: у меня нет больше денег, и я не имею никакой возможности достать их в скором времени. Я и так уже довольно пообобрал жену и не буду просить у нее ни одного шиллинга.

– Эти слова доказывают, что вы страшно упрямы! – проговорил майор.

Он вынул из кармана пальто маленький пакет аккуратно сложенных писем, исписанных тонким женским почерком и связанных голубой шелковой ленточкой.

– Взгляните-ка на эти письма, – сказал он иронически. – Не прочесть ли их вам? Вы, может быть, забыли уже их содержание?

Капитан отвернулся, пробормотав проклятие.

Майор перебирал невозмутимо письма, пробежал их глазами, насвистывая что-то и останавливаясь, когда ему встречалась интересная фраза. Капитан Вальдзингам смотрел на него пристальным, но полным грусти взглядом.

– Артур, бесценный друг, если у меня к концу этого месяца не будете пяти тысяч фунтов стерлингов, то миссис Вальдзингам получит эти письма первого октября. Как они ни забавны, но я все-таки думаю, что она не поймет заключающихся в них шуток, а примет содержание их за чистую монету. Вы любите ее, Артур, положим, как слепой, так как глупость ее бросается в глаза, но ведь бывают люди, которым очень нравится и вареная курица.

– Майор Варней! – воскликнул с угрозой Вальдзингам.

– Пустая голова! Получу ли я пять тысяч фунтов стерлингов или придется мне переслать эти письма белокурой красавице? Решайте поскорее, мой друг. Мне кажется, что скоро пойдет проливной дождь!

– Я уже сказал вам, что не могу достать этой громадной суммы. Что же касается писем, то они совершенно не пугают меня: вы слишком умны, чтобы свернуть шею курице, которая несет вам золотые яйца. Тайна моего прошлого, которой вы пользуетесь как способом к наживе, потеряет всю силу, когда она откроется. Не дурак же вы, чтобы выпустить ее добровольно из рук.

Майор закусил губу, и на лице его мелькнуло выражение глубокого смущения. Показалось на мгновение, что он выдаст себя, но он тотчас поправился и ответил со смехом:

– Вы хитрая лисица, и вас не проведешь!.. Да, вы, конечно, правы: я вовсе не намерен разглашать вашу тайну, не желаю несчастья бедненькой леди Лисль, или миссис Вальдзингам, или как бы ее вообще ни называли! Я не добиваюсь, чтобы вас выгнали из Лисльвуд-Парка или послали в какую-нибудь отдаленную колонию, где могли бы иметь дерзость заставить вас трепать паклю или разбивать камни. Нет, милый мой Артур, я только хочу исключительно уладить дело к лучшему и способствовать нашему всеобщему спокойствию. Поверите вы мне, если я скажу вам, что я измыслил средство достигнуть этой цели.

– Может быть! – отвечал небрежно Вальдзингам.

– Хорошо. Теперь выслушайте! Я не из тех несчастных, для которых наличные деньги есть необходимое условие существования. Видите вы там, на дороге, мой экипаж, моих лошадей, моего кучера и моего камердинера? Понятно же, что я не могу содержать все это своим майорским жалованьем. С другой стороны, я не имею нужды, как вы и сами знаете, в десяти фунтах стерлингов. Мне лучше получить пятьдесят тысяч в десять лет, чем сегодня – пять тысяч... Артур Вальдзингам, который теперь год этому мальчугану?

И с этими словами он указал рукой на сэра Руперта Лисля.

– Какое отношение имеют его лета к нашему разговору? – спросил капитан.

– Это лишний вопрос! Вы только ответьте: который ему год?

– Ему в июле месяце исполнится семь лет.

– Семь лет – великолепно! Что скажете, Артур, если я разорву этот пакетик с письмами на тысячу кусков, да и, кроме того, не буду брать у вас ни одного пенса в течение четырнадцати лет?

Капитан посмотрел на него с удивлением.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил он с нетерпением.

Майор взял его под руку и, наклонясь к нему, шепнул ему на ухо несколько слов, которые заставили капитана побледнеть от испуга. Настала пауза, в продолжение которой майор не сводил взгляда с Артура Вальдзингама.

– Хотите ли вы сделать это или хотите, чтобы я сам это выполнил? – спросил он его вслух.

– Бездельник! – загремел капитан Вальдзингам. – Я не сделаю этого, если б даже я мог откупиться такой ценой от галер!

– Дитя! Не горячитесь! – сказал тихо майор. – «Нет, если б я даже мог откупиться от галер!» – повторил он с презрением. – Есть люди выше вас, которые бы сделали это за двадцать фунтов стерлингов... Что же это такое? – ни более ни менее как простой фокус. «Милостивые государи и милостивые государыни, видите этот шиллинг? Вот я кладу его под этот стакан... Ток-ток – и нет его!.. Ток-ток – вот он опять!» Говоря это, фокусник показывает публике запропавший шиллинг, а она воображает, что видит перед собой что-то необыкновенное, а между тем, Артур, он показал ей не тот же самый шиллинг, но – другой, точно такой, как первый... Капитан Вальдзингам, угодно вам загородить нам дорогу к счастью или вы соглашаетесь помочь мне в этом фокусе?

– Нет... Повторяю вам.

– А что, если я сделаю это помимо вас?

– Тогда я донесу об этом преступлении, что бы потом ни случилось!

– Да вы неисправимы!.. Это ваше последнее решение, Артур?

– Да! – сказал Вальдзингам.

– Великолепно! – произнес майор, пожимая плечами. – Если так, делать нечего... Помните же, – добавил он, ударяя пальцами по бумагам, которые держал в другой руке, – что вам уже не должно ожидать от меня ни малейшей пощады! Когда человек не хочет соблюдать своих собственных выгод, пусть он не воображает, чтобы умные люди захотели страдать по милости его слепоты и безумия... Позовите вашего пасынка: я прощусь с ним и потом отправлюсь в путь. Бедная Ада, вероятно, заждалась меня.

Капитан подозвал сэра Руперта, который прискакал в один миг к косогору.

– Сэр Руперт, – сказал майор, – я хочу проститься с вами, потому что сейчас оставляю Бишер-Рид... А ргорос, вспоминаю, что поселяне что-то много толкуют об этом косогоре, но до сих пор я не мог узнать, откуда произошло название Бишер-Рид. Объясните мне это на прощание, Артур!

– Отстаньте! – произнес сердито капитан. – Для чего вам нужна история Бишер-Рида?!

– Не будьте же невежливым, мой дорогой Артур, а расскажите мне, о чем я вас прошу.

Они стояли на вершине самого высокого косогора этой местности, усеянной неровностями, а перед ними находился почти отвесный утес.

– Косогор этот назван Бишер-Ридом потому, что лет пятьдесят назад какому-то капитану Бишеру, знаменитому спортсмену, вздумалось из-за пари перескочить через него верхом на чистокровной лошади, – сказал Артур Вальдзингам.

– И что же, он убился? – спросил майор Варней.

– Нет, но зато его лошадь погибла при скачке.

Майор расхохотался.

– Бедняжка! – произнес он. – Он поплатился лошастью! И никто не последовал потом его примеру?

– Должно быть, что никто!

Сэр Руперт Лисль прислушивался с напряженным вниманием к этому разговору.

– Я хочу подняться туда, – сказал он, указывая на крутизну.

Капитан отошел в сторону и кинулся на пожелтевшую траву.

– Что за идея, баронет! – возразил майор. – У вас не хватит смелости, – добавил он, смеясь. – Вы можете не быть таким жалким трусом, каким оказался Джеймс Арнольд, но все-таки едва ли вы настолько отважны, чтобы переехать галопом Бишер-Рид. Клянусь честью, что это вполне невероятно!

Упорство было наследственной чертой в доме Лисль и часто заставляло членов этой семьи совершать такие ненормальные подвиги, на которые не отважился бы самый храбрый из храбрых. Подобная настойчивость в исполнении задуманного приводит часто к более блестящим результатам, чем дерзкая отвага. Сэр Руперт был настоящим Лислем, по своему апатичному, вялому, но упрямому характеру.

Майор смеялся, и его лицо, обращенное к солнцу, имело крайне вызывающее выражение.

– Нет, нет, мой маленький баронет, – продолжал он. – У вас не хватит смелости отважиться на это. К тому же вы умны и можете понять, что это невозможно.

Бледные щеки мальчика запылали от гнева.

– А! Это невозможно! – воскликнул он своим слабым, но резким голосом. – А! Это невозможно?

Он повернул своего пони и проехал раз по одному из бугров. Затем изо всех сил стегнул пони хлыстом, перескочил через перила и начал подниматься потом на крутизну. Майор различил издали, что мальчик побледнел, пока пони поднимался вверх. Капитан, очнувшись от топота лошади, вскочил и бросился к краю косогора в то самое время, когда баронет мчался по опасному спуску, который вел к оврагу.

– Он спустится, не получив ни малейшей контузии, – проговорил майор.

– Демон! – воскликнул с ужасом капитан Вальдзингам. – Это твоя проделка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.